

Елена Батмазова

ОСТАНКИНСКИЕ СЕЗОНЫ

Елена Батмазова

Останкинские сезоны

«Издательские решения»

Батмазова Е.

Останкинские сезоны / Е. Батмазова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831381-3

«Останкинские сезоны» — это история о закулисе телевидения со всеми его курьезами, нелепостями, секретами. Это телевидение глазами рядовых сотрудников, их суматошные будни и бессонные ночи, благодаря которым рано или поздно кто-нибудь получает ТЭФИ. Крутись, крутись, безумное колесо, перекачивай фантазии в реальность, амбиции в достижения, меняй сезоны. Я буду наблюдать за мелькающими спицами со стороны.

ISBN 978-5-44-831381-3

© Батмазова Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Останкинские сезоны

Елена Батмазова

© Елена Батмазова, 2016

ISBN 978-5-4483-1381-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Десять лет спустя

(предисловие)

30 ноября 2005 года. Сумерки. Стеклоанный центральный подъезд Телецентра «Останкино» светится в темноте, словно маяк, и, по мере того, как я удаляюсь от него, тускнеет с каждой минутой. Это мой последний вечер на телевидении (во всяком случае, так мне тогда казалось), с которым я решила порвать раз и навсегда – без ненависти, без сожаления, без осознания ошибки, с ощущением того, что впереди новые дороги и жизненные сюжеты. В тот момент я не знала, что скоро придет ностальгия и будет наведываться ко мне снова и снова. Нет, мне не хотелось войти в ту же воду дважды: это, пожалуй, было сродни первой любви, когда ты спустя годы видишь все ее недостатки, но не перестаешь очаровываться собственными воспоминаниями. И тогда я написала эту книгу, которая надолго залегла в недрах стола.

...Десять лет спустя я сидела в голубом вагончике поезда, который тихо плыл по воздуху, по монорельсовой дороге вдоль Останкино над машинами и людьми. Когда-то такое и представить было сложно. Телебашня теперь была опоясана неоновой рекламой, вспыхивала и гасла, словно молния. Огромные каскеты betacam операторы заменили на невесомые цифровые флэшки. Для того, чтобы снять красивую панораму с верхней точки, они больше не лезли на крыши домов, а отправляли в небо жуужжащие пчелы-квадрокоптеры. И еще у телевидения появился мощный конкурент – Интернет. Неужели знакомый мне мир столь сильно изменился? И тогда я вспомнила о рукописи...

«Останкинские сезоны» – это история о закулисье телевидения со всеми его курьезами, нелепостями, секретами, написанная простыми словами от души. Это телевидение глазами рядовых сотрудников, их суматошные будни и бессонные ночи, благодаря которым рано или поздно кто-нибудь получает ТЭФИ. И в этом смысле телевизионный мир ни капли не изменился.

Крутись, крутись безумное колесо, перекачивай фантазии в реальность, амбиции в достижения, меняй сезоны. Я буду наблюдать за мелькающими спицами со стороны.

Часть 1

Глава 1

Острие Останкинской телебашни и прежде терялось в облаках, в небесных туманах, словом, в запредельных высотах, постичь которые по силам разве что телезвездам. Однако сегодня дымная атмосфера поглотила не только шпиль, но и всю вышку до основания. Белая удушливая пелена опутала деревья возле Останкино, и даже огромная розовая свинья – принадлежность ресторана у подножья башни – растворилась в смоге, как будто ее никогда и не было. Да что там Останкино! В это июльское утро вся Москва, плотно укутанная молочной мглой, стала огромным городом-призраком.

Водитель вишневой «четверки» телекомпании ТВ-Прайм включил дальний свет. Медленно и расплывчато возникла из тумана навсегда взмывшая в небо ракета, а за нею – вогнутое здание гостиницы «Космос». Радио изливало потоки информации об автомобильных пробках: стояли Алтуфьевское шоссе, Ярославка, Сухаревка, Беговая, третье кольцо и еще полгорода. Столица страдала запорами, которым в немалой степени способствовала гарь с подмосковных торфяных болот. Видимость была отвратительная. Водитель «четверки» совершив несколько хитрых маневров, ушел в переулки, и вскоре впелся в их причудливую паутину так, что Лиза Дубкова, корреспондент программы «Авоська», перестала ориентироваться в пространстве. Все окна в машине были закрыты, однако спастись от едкого дыма не удавалось. Лиза смотрела прямо в лобовое стекло, что помогало ей бороться с приступами тошноты. На заднем сидении дремали оператор и звукооператор. Окружающий мир чем-то напоминал туманные лондонские пейзажи в период сильного смога.

– А-а, чтоб тебя!.. Засада, – высказался водитель, внезапно уткнувшись в пробку.

Повертев головой, он развернулся и рванул дворами, совершив маленький водительский подвиг. Сотрудников телевидения на заднем сидении изрядно встряхнуло, однако никто не проснулся, только оператор Витя Мальцев крепче вцепился в камеру. Лиза, чтобы совсем не заскучать, играла сама с собой в игру «спортивное ориентирование» – пыталась угадать, какой дорогой они едут. Не будучи коренной москвичкой, она не всегда могла соединить части города в единое целое. Маленькая «четверка» в ее сознании, словно игла, сшивала разрозненные лоскуты улиц и переулков в одно пестрое полотно; Москва раскрывалась и лежала, как на ладони: Проспект Мира впадал в Садовое кольцо, а дальше возникали Земляной Вал, Таганка, и вот уже – Рязанский проспект... Словом, ехали снимать черт знает как далеко.

Несмотря на ухищрения водителя, на место прибыли только часа через полтора. Смог слегка рассеялся, забрезжило солнышко, нагрело щеку оператору Вите, тем самым пробудив его к жизни. Витя потянулся, и, увидев новостройки на краю поля, произнес:

– А чего это? Южное Бутово?

– Не совсем. Да и какая разница, – вяло отозвалась Лиза.

– Что снимаем?

– Биогумус.

– Хм! Биогумус? Гумус, гу... Дерьмо, что ли?

– Это удобрение. Удобрение, понял? Между прочим, продукт жизнедеятельности красного калифорнийского червя.

– Я же говорю – дерьмо, – убежденно сказал Витя, расталкивая звукооператора. – Юрик, вставай, нас ждут райские сады. Чуешь аромат?

– Оранжею снимаем? – сонно поинтересовался Юрик.

Витя захохотал.

– Калифорнийский червь, – уныло продолжила Лиза, которую изрядно укачало, – очень полезное животное. Он ест абсолютно все и способен перерабатывать огромное количество любых отходов...

– Червь?! – изумился техник.

– Ну да, червь! – разозлилась Лиза. – Что здесь, черт возьми, такого?

Машина тем временем остановилась у нескольких одноэтажных построек, стоявших в поле особняком. Перед ними высился рекламный щит с надписью: «Продажа биогумуса и червей».

– Н-да, – печально сказал техник, – а мы вчера президента снимали...

– Президента любой дурак снимет! – Лиза открыла дверцу и вышла из машины. – Информационные съемки вообще гораздо проще – что вижу, то пою. А ты вот попробуй в «Авоське» художественно снять!

– Знаешь что? – отозвался Витя Мальцев, вынимая из багажника штатив. – Достала всех эта «Авоська». После Вительса и Самчука, конечно, полегче стало, но чокнутых корреспондентов не убавилось.

– К тебе, Витя, у меня претензий нет, – вкрадчиво сказала Лиза. Витя был лучшим оператором из всех, кого она знала, и ссориться с ним по пустякам было глупо.

– Да что я! Я в любой съемке фишку ищу, а вот каково было Федору Ивакову весь день снимать полудохлых тараканов в аквариумах под руководством корреспондента Кошкина? Ты вообрази себе: мрачный бородатый Иваков – и тараканы? У вас что – спецрейд по насекомым?

– Почему тараканы в аквариумах? – вмешался техник.

– Эксперимент такой, – пояснил Витя. – Паша Кошкин додумался. В пять аквариумов поместил равное количество насекомых. В четыре из них он положил ловушки разных фирм-производителей, а в пятый аквариум запихнул огромного тропического таракана, который питается своими более мелкими сородичами. И, надо сказать, активно питается! Там, где таракашки быстрее подохнут или исчезнут – кому как нравится, находится наиболее эффективная ловушка, а значит, ее можно порекомендовать потребителю, страдающему от нашествия насекомых.

– Ни фиги себе, – произнес звукооператор, подавленный мощью эксперимента. – Я бы сроду не додумался.

– Ты учти, Юрик, у этих людей из «Авоськи» мозги устроены не совсем так, как у нормаль...

– Работать! – сурово сказала Лиза и направилась к одноэтажным постройкам. У ворот она вляпалась в кучу грязи, отчего ее босоножки немедленно утратили свой изящный вид. Подоспевший Витя Мальцев не преминул отметить недостатки Лизиного внешнего вида.

– Ну, ты, мать, даешь! Нас не предупредила, что форма одежды – колхозная, и сама отличилась. Цвет нежно-желтый специально для юбки выбирала? Тут же горы удобрений!

Лиза молча стучала босоножкой о забор, стряхивая комки грязи. На шум вышла бравого вида женщина в деловом клетчатом костюме.

– Ребятки, вы с ТВ-Прайм? – спросила она ласковым басом. – Мы ждали. Ну, пойдете, покажу наших зверушек.

– Зверушек! – тихо фыркнул Витя.

Лиза ответила ему очаровательной улыбкой и показала кулак.

Женщина в костюме – профессорша, доктор биологических наук – не год, и не два просидела в пыльном НИИ, прежде чем в поле ее зрения попал красный калифорнийский червь. Ученая дама без колебаний покинула институт, променяв его на тонны удобрений, матерящихся мужиков с лопатами и черные разводы под ногтями. Предприятие процветало, червь жрал все подряд – навоз, опилки, макулатуру, овощную гниль, биогумус шел нарасхват. В данный момент мадам готовила экспериментальную экологическую программу по запуску

червя на городские свалки для переработки отходов. По случаю съемок она сменила потертые джинсы и ковбойскую рубашку на деловой костюм, который вступал в явное противоречие с окружающей обстановкой, сплошь состоящей из грязных лужиц и земляных куч. Все это она без колебаний изложила съемочной группе, и Витя несколько раз подозрительно присвистывал, из чего Лиза поняла, что профессоршу по ее психическому состоянию он причислил к сотрудникам «Авоськи». Для Лизы же мадам была очередным экземпляром в ее коллекции странных личностей, которая пополнялась ежечасно благодаря специфике корреспондентской работы. Личности эти часто преследовали Лизино воображение, калейдоскопическим образом мелькая перед нею изо дня в день, пока она не насаживала их на острие своей шариковой ручки и не припечатывала к белоснежным страницам блокнота. Никто, кроме Бориса, об этом не знал – это была тайна. К Витиным фырканьям и похохатываниям Лиза относилась снисходительно, поскольку он тоже был занесен в блокнот в качестве гениального и, как следствие, слегка сдвинутого оператора. Худой, взъерошенный, остроносый, он походил на нервную, зоркую птицу, от которой не ускользнет ни одна букашка в высокой траве. А уж что произойдет с этой букашкой, когда она попадет в объектив телекамеры – одному Вите известно, во всяком случае – нечто совершенно неожиданное.

Профессорша отвела их в темный длинный сарай с низким потолком, затканым паутиной. Пахло свежевскопанной могилой, длинными рядами тянулись контейнеры с землей, прикрытые пленкой.

– Бедные, я думаю, они тоже от гари страдают, – взволнованно пробасила мадам. – Да, и света они боятся...

Витя пожал плечами и врубил накамерник. Пленка с контейнеров была откинута, и прежде чем черви пустились в бегство, ученой даме удалось откопать две горсти красных извивающихся шнурков. Техник плюнул и отошел со штативом в сторону. Лиза к тому времени вымазала желтую юбку какой-то гадостью, едва не подвернула ногу и сбежала на улицу.

Вообще-то она занималась недвижимостью, банками, налогами, законодательством – вполне серьезными и сложными в разработке темами. Эксперты у нее были лошениые и дорого пахнувшие, синхроны писались в строго-геометрических пространствах офисов, операторы и техники цепенели от потока заумной информации, которую Лиза потом тщательно перекачивала через себя и выдавала доступными для обывательского уха фразами. Специализация эта ей нравилась, поскольку Лиза любила головоломки, а их здесь было предостаточно. Интерес ее был исключительно прикладного, практического характера, добытые в банках, министерствах и риэлтерских конторах знания составляли обширную главу учебника бытологии, который из года в год пополняли сведениями корреспонденты «Авоськи». Каждый из них снимал сюжеты о том, что интересно самому: Валя Бровушкина – о косметике, парфюмерии и всевозможных женских побрякушках; Максим Панцов – об автомобилях и компьютерах; Паша Кошкин – о еде и о вредных созданиях типа тараканов и крыс. Все они время от времени проклинали судьбу, занесшую их на седьмой этаж телецентра, в комнату 7—47 с синей табличкой «ТВ-Прайм. Программа «Авоська» на двери. Работа была непростая, напряженная, конвейерная, однако, совершенно провальная по части славы и престижа – корреспонденты даже в кадре не появлялись. Но, несмотря на проклятия, ребята из «Авоськи» то и дело ловили себя на ощущении превосходства над окружающими: двери обыденности были для них открыты, поскольку наготове всегда имелся нужный ключик.

Случалось, корреспонденты отклонялись от выбранного направления; тогда Лиза ненадолго забывала о своих пафосных экспертах и ехала снимать биотуалеты. Черви, вырабатывающие удобрения, были ей чужды по причине абсолютно неземледельческого образа жизни, однако за пределами МКАД мужчины и женщины с заскорузлыми руками и сеткой морщин у запавших глаз без усталости копали, сажали, удобряли, окучивали... И, просыпаясь по утрам, делали «Авоське» рейтинг, если в сюжете, к примеру, советовали, как выбрать подкормку для

растений (и ни в коем случае – яхту для морских прогулок). А рейтинги руководство ТВ-Прайм любило.

Лиза стояла на пороге сарая, скрестив ровные, оголенные по обыкновению ноги, и жмурилась на мутное солнце. Была она невысокая, стройная, с россыпью темных веснушек на курносом носу, волосы стянуты в танцующий каштановый хвост – несерьезный, незрелый, как у школьницы. Отросшая челка, до которой никак не могли добраться парикмахерские ножницы, лезла в глаза, и день деньской Лиза выпячивала нижнюю губу, делала «фф-у» и волосы взлетали надо лбом в беспорядке. Дым вокруг постепенно выветривался, обнажились все еще туманные дали Подмосковья. Там было совсем плохо, и Макс Панцов укатил снимать сюжет о респираторах, лекарственных препаратах и правильном поведении во время задымления. Пискнул мобильный, Лиза с нарастающим неудовольствием прочла указания из центра: «Лизавета, текст по червям нужен сегодня. Напишешь после съемок. Обсуждению не подлежит. Храмов». Лиза скривила губы – вообще-то она записалась в салон...

Щурясь на свет, из sklepa вышли профессорша и Витя с техником. Техник подергивался и что-то с себя стряхивал: ему показалось, что с потолка прыгнул паук. Синхрон записали не сразу – как только удалось отогнать назойливую бабку, желающую сию минуту приобрести несколько червей на расплод. По окончании интервью Витя заметно повеселел, и даже предложение принять в подарок пару червячков не омрачило его худого лица. От презента решительно отказались всей съемочной группой. Следующим пунктом был НИИ удобрений.

Пробки рассосались вместе с вонючими микрочастицами пепла, и потрепанная «четверка» резво понеслась по улицам, нахально перестраиваясь из ряда в ряд перед носом у многочисленных достижений западных автоконцернов. Достижения сверкали цветом «металлик», их лупатые фары, казалось, выражали изумление.

– Бесцеремонность – часть профессии, – подмигнул Лизе водитель, делая очередной зигзаг.

На Садовом попали-таки в небольшой затор, оказавшись бок о бок с другой машиной ТВП, в которой ехали информанционщики. Высунувшись в окно, Витя приветливо заорал:

– Здорово, Иваков! Куда путь держишь?

Немолодой бородатый оператор сердито затягивался сигаретой.

– Дымы едем снимать для этих сволочных редакторов.

– Так кончились же дымы!

– А то я не вижу! – взорвался Иваков. – С утра, когда пеплу понасыплет, глаза продрать не могут, а к вечеру спохватываются... Ну, ясное дело, под вечерние-то выпуски дымы надо, в Москве и области сложилась чрезвычайная обстановка и все такое. А где я их щас возьму, где?! Сорвали из Госдумы, еле прессуху досняли, езжай, говорят, в сторону Мытищ, там чего-то горит, на дым ориентируйтесь... Что я им, юный скаут?

Гаишник на перекрестке взмахнул жезлом, машина тронулась, увозя свирепого Федора Ивакова.

– Все-таки тяжелый у него характер. И тараканы Пашкины здесь ни при чем, – заметила Лиза.

С НИИ удобрений управились быстро, откопав в книжных завалах ученого старичка в белом лаборантском халате. Старичок довольно внятно изложил свою точку зрения на биогумус, и на сегодня съемки закончились.

В редакции был аншлаг – улей народу и ни одного свободного компьютера. По ветхому ковровину цвета тоскливой неопределенности весело разъезжала на офисном стуле какая-то новенькая корреспондентка-фрилансер, еще двое внештатников хихикали над дурацкими надписями, развешанными по стенам: «Сегодня с сигаретой нарушаешь, а завтра ты отчизне изменяешь!», «Внимание: оператор должен лечь, если того требует съемка». Валя Бровушкина, мелкая, глазастая, вся в коричневых дредах, удрученно ковыряла одноразовой вилкой

в пластиковой коробке с салатом. Вчера, будучи навеселе, она утопила в Останкинском пруду свою сумку с мобильником и пропуском; сумку потом достали, однако телефон умер, а фото на пропуске телецентровская милиция отказывалась идентифицировать с Валей. Прорываться на работу пришлось со скандалом.

За крашеной фанерной перегородкой – единственным зримым признаком субординации – Паша Кошкин и Сергей Храмов вели безумный диалог, к которому с нарастающим недоумением прислушивался хорошо одетый посетитель. По всей видимости, он ожидал аудиенции у руководителя «Авоськи».

– Я больше не могу, Сергей, они воняют! – жаловался Паша. – По-моему, от меня скоро уйдет жена...

– И правильно сделает! – одобрил Храмов. – У нас же не все дома! Ну, какой нормальный мужик будет ежедневно подсчитывать дохлых тараканов? А что, сильно воняют?

– Приходи – понюхаешь...

– Знаешь, что говорила английская королева... э-э... в общем, одна английская королева своей дочери перед ее первой брачной ночью? «Закрой глаза и думай об Англии».

– А вчера этот здоровый тропический таракан сожрал всех сородичей, выбрался из аквариума, – печально продолжил Паша, – и пошел охотиться на нашу кухню. Жена его обнаружила в хлебнице, а он же гигантский! Представляешь, что с ней было?!

Булькающий смех Храмова заставил вздрогнуть незнакомого посетителя.

– Вы ко мне? – спросил Храмов, выглядывая из-за перегородки.

– Да, я звонил по поводу недвижимости... Моя фамилия Волкевич.

– Ага! – сказал руководитель «Авоськи» и скрылся с посетителем в коридоре.

Лиза ощутила первые толчки в области висков, затылок потяжелел, голову сдавило тесным железным обручем. Из последних сил она турнула с ближайшего компьютера внештатницу, увлеченную любовной перепиской с гражданином Великобритании, и погрузилась в пучины Интернета.

Глава 2

Золотое время программы «Авоська» пришлось на середину 90-х. Рынок наполнился товарами неизвестного происхождения и сомнительного качества, выросли и рушились финансовые пирамиды, находчивые ребята «обували» менее находчивых, отечественный потребитель был до неприличия дик и простодушен. Однажды, после пятой стопки в пресс-баре, генеральный продюсер ТВП ни с того, ни с сего задался мощным вопросом – сколько же паленой водки ежегодно выпивают россияне? Он адресовал этот вопрос своему заместителю и тот, вместо ответа предложил сделать программу-ликбез для потребителей. Это была фишка. Идею проработали, вытащили из уважаемой газеты двух сообразительных малых, распределив между ними должности руководителя и шеф-редактора. С названием особо не мудрили, как-то сразу на ум пришла «Авоська» – некий обобщенный образ потребительской корзины.

Все сложилось наилучшим образом. Через год слово «Авоська» стало солидным брендом, который зрители приравнивали к потускневшему советскому знаку качества. Главное – не было конкурентов, соперничать с раскрученной «Авоськой» никто не решился. Десятиминутная программа шла ежедневно по будням в утреннем эфире, вкатывая гражданам дозу противоядия от всевозможных вредных свойств окружающих вещей, продуктов и услуг. Покупателей учили правильно ходить в супермаркет, судиться с химчисткой, определять по внешнему виду «левые» спиртные напитки, выходить из запоя, выбирать качественную дубленку и лучшие на свете сосиски, получать налоговые льготы, о существовании которых никто и не подозревал... Мир был огромен, и «Авоська» всюду совала свой длинный нос, который недоброжелатели регулярно обещали укоротить. Особенно обижались известные производители, когда в результате экспертизы (проводимой самым что ни на есть научным образом специалистами соответствующих институтов) их товар оказывался, по выражению шеф-редактора Самчука, «говнищем». Кто такой Самчук оскорбленные бизнесмены не знали, зато ежедневно видели по телевизору ведущего – благообразного мужчину в годах. С хитрым прищуром он выдавал на всю страну убийственную информацию, за что, впрочем, был дважды бит неизвестными личностями в темное время суток. Тем не менее, «Авоська» строго блюла свою независимость, и вновь прибывшим корреспондентам первым делом вдалбливали, что за «джинсу» (так журналисты называли рекламу) – расстрел.

Чтобы зрители не скучали, корреспонденты развлекали их, как могли: тексты писали забавные, сюжеты снимали с подвывертом – так, что даже обыкновенная щетка для обуви становилась предметом небезынтересным, например, визуально сопоставлялась с собакой породы скотч-терьер. Руководство «Авоськи» прекрасно осознавало, что особенности разных видов щетины интересны далеко не всем, а вот если щетку «оживить», и заставить скотч-терьера носиться с ней в зубах, и зритель вдруг увидит, как они похожи – скотч-терьер и обувная щетка... Правда, подобные манипуляции предметами считались рядовым вариантом съемок. Бывали полотна куда более масштабные – шоу для зрителя. Прочность, скажем, разных марок линолеума испытывали так: настилали на плацу, и неделю рота солдат маршировала по образцам. После чего линолеум сдавали на экспертизу, дабы определить самый прочный.

Работа корреспондентов была адской. С раннего утра они звонили экспертам, писали и озвучивали тексты, снимали постановки, редакция пустела только к часу ночи.

– А кто обещал, что будет легко? – говорил в утешение шеф-редактор Гена Самчук. – Выходим каждый день, по три сюжета в программе, значит, надо работать. О`кей?

Самчук очень любил, когда все работали. Корреспондент, который после сумасшедшего дня релаксировал, откинувшись на спинку стула, вызывал у него живейший интерес. Всякий раз, направляясь из своего начальственного закутка к принтеру, он проходил мимо бездыханного сотрудника и предлагал ему сдать подводку для ведущего, перечитать текст, обсу-

дить новые темы, позвонить в какой-нибудь НИИ, в конце концов, оторвать свой зад от стула и сделать хоть что-нибудь. Например, договориться о съемке на завтра, поскольку освободилась дополнительная камера. Самчука совершенно не смущало, если на часах уже было десять вечера.

– Еще не поздно договориться, вся ночь впереди. Ясный перец, что все закрыто, значит, надо звонить специалистам домой. Да кто спит, кто может спать, когда у нас камера виснет? Разбудим! Могу дать телефон одной шалашовки из Минздрава.

Женщин, особенно симпатичных, Гена Самчук почему-то звал шалашовками, а когда «Авоська» привлекла для съемок девушек-моделей, в его лексиконе появилась и «шалашовочная мамка» – директриса модельного агентства.

Геннадий Самчук был бледный редковолосый мужчина, с цепкими глазками и скептической усмешкой, которая, словно хроническое заболевание, всегда была при нем. Он от рождения усвоил, что люди – по большому счету сволочи и основной смысл их жизни – водить ближнего за нос, поэтому доверять никому и никогда нельзя, и уж он-то на этом ни за что не попадет. Работа в «Авоське» только усугубила ядовитую усмешку шеф-редактора, поскольку сволочей среди героев программы действительно хватало. Выглядел Самчук довольно запущенно, несмотря на наличие жены, с которой был в неплохих отношениях, одевался небрежно, потасканно и, по воспоминаниям Максима Панцова, «пах кошками». Рыночные джинсы, мятая футболка с короткими рукавами – всегдашний рабочий наряд Самчука, вызывал у Лизы Дубковой недоумение. Ей казалось, что такая одежда не подходит шеф-редактору популярной программы и никак не соответствует величине его заработка, о которой Лиза могла только догадываться. Однако Гена придерживался иного мнения и вовсе не собирался выставлять напоказ свои доходы, являя собой безупречный образец неприязтельности и скромного достатка. Тем не менее, однажды нашелся человек, который выразил свои сомнения вслух. Газетчик, писавший об «Авоське» статью, впервые увидев Самчука, проницательно сощурился, ткнул пальцем в его обнаженную волосатую руку и произнес:

– Ага! Часы!

– Что такое? – насторожился Гена.

– Часики – из бутика? Вы какую фирму предпочитаете – «Ролекс», «Чопард», «Патек Филипп»?

– Я – что попроще, – сдержанно ответил Самчук. Часы были куплены на ближайшей к дому барахолке, за их благородное происхождение волноваться не приходилось, но вопрос разбудил в шеф-редакторе смутное беспокойство. От часов коллега перешел к разглядыванию фальшивого лейбла «Пьер Карден» на Гениных джинсах, и приподнятые его брови Гене совершенно не понравились. По этой причине дотошного журналиста вскоре выпроводили с минимумом информации, а Самчук с облегчением рассказал о том, какие же смешные деньги он заплатил за свой жалкий гардероб и аксессуары. Максим Панцов, которого несмотря на усердную работу не брали в штат и которому в те времена не хватало денег даже на презервативы, сдавленно крикнул, и глядя Гене в глаза, произнес злую и туманную фразу:

– Ну, ни хрена себе...

Гену Самчука корреспонденты подозревали в нехороших вещах. Потенциал «Авоськи» в части получения прибыли был неисчерпаем, не проходило и дня без предложений запустить «джинсу» и продвинуть на рынок какие-нибудь сковородки с антипригарным покрытием, за что сулили немалые деньги. В «Авоське», конечно, гордились своей неприступностью, однако нет-нет, да и текли слюнки от тех несказанных возможностей, которые, увы, проплывали мимо. И, хотя Гена изо всех сил олицетворял собой борца с рекламой, коллеги – тоже не лыком шитые – нутром чувствовали подвох. Например, когда шеф-редактор слишком уж настойчиво рекомендовал определенного эксперта из определенной фирмы. По какой схеме он может прокручивать свои темные делишки и прокручивает ли вообще в условиях тоталь-

ного контроля со стороны рекламной службы телекомпании, никто достоверно сказать не мог. Но тот факт, что Самчук постоянно что-то обмывает – новую квартиру, машину или дачу – тоже нельзя было вот так просто вычеркнуть из общественного сознания.

Антон Вительса, первого руководителя «Авоськи», никто ни в чем не подозревал, поскольку странно подозревать в пристрастии к земным благам человека не от мира сего. Вительс носил волосы до плеч, растянутые свитера богемного вида, был задумчив и очень умен. Правда, ум этот был странного свойства – своей необычайной педантичностью и въедливостью он заставлял страдать корреспондентов, режиссеров, ассистентов и даже иногда Самчука. Исподтишка Вительса уважали, однако то, что он маньяк скрыть было невозможно никоим образом. Окружающую действительность он скрупулезно членил на графы и столбцы, вел строгий подсчет тех или иных характеристик и только на основе подробного анализа делал выводы. Предложение Вительса «составить таблицу» звучало применительно к любому сюжету, который предлагался корреспондентами.

– Надо составить таблицу, – сказал он Елизавете Дубковой, несколько месяцев назад прибывшей в столицу из Нижегородской области. Речь шла о банальном полиэтиленовом пакете, который почему-то приглянулся Вительсу в качестве темы сюжета. (К тому моменту «Авоська» уже рассказала обо всех вещах, которые только были на свете, и пошла по второму кругу, не гнушаясь мелочевкой).

– Таблицу? – поразилась Лиза. Мысль о том, что такая паршивая вещь, как простой полиэтиленовый пакет для выноса покупок из магазина, нуждается в составлении таблицы, показалась ей насмешкой.

– Ну, да, таблицу, – убежденно произнес Вительс. – Надо разбить пакеты по категориям... Они же разные бывают, верно? Жесткие-шуршащие, гладкие-бесшумные, с прорезной ручкой и с навесной... Разбить их на группы и отметить плюсы и минусы. Вот, к примеру, какая ручка быстрее оторвется, если я положу в пакет десять килограммов колбасы?

Вительс задумался, что-то почертил на бумаге и подытожил:

– В общем, надо составить таблицу.

Свой первый сюжет о разновидностях полиэтиленовых пакетов Лиза Дубкова с ощущением легкого помешательства делала целый месяц. Сюжет не получался, Лиза чувствовала озверение оттого, что никак не могла понять принципов построения материала. У себя на периферии она успела отучиться на факультете журналистики, успешно поработать в газете и на телевидении, а вот «Авоська» ей не давалась. Строча ночью тексты в глянецвый мебельный журнал, дабы прокормиться и заплатить за квартиру, Лиза размышляла, а не послать ли к черту эту «Авоську», которая вообще находится за гранью журналистики. Не пускали упрямство и мучительная вера в свои способности, к тому же очень хотелось работать на центральном телевидении.

О пакетах было разведано все, что только можно: кто и как, где и зачем, из чего и почему, но Вительс с Самчуком отрицательно мотали головами. Не хватало «фенечки» – какой-то любопытной информации, которая бы оживила бесхитрое повествование.

– Нудь, нудь... – морщился Самчук. – Ну, пакет, и что? Ну, с ручками... А надо, чтобы – ого, ПАКЕТ!

Лиза отправилась в цех по производству этих проклятых ею полиэтиленовых «штукуевин» и выяснила, что немцы заказали предприятию партию пакетов с крестами для сбора останков германских солдат, погибших во время Второй мировой. Кроме того, ей попался на глаза эксклюзивный образец с радостной физиономией очень известного певца. Самчук запал на пакеты с крестами («потому что не «джинса»), а Вительс – на певца («потому что кресты – это капец какой-то»). В итоге певец дал Лизе синхрон о том, что пакет специально тестировали на предмет деформации изображения и что, если даже до отказа набить полиэтиленовую авоську колбасой, лицо стоимостью в миллион долларов не очень покоржится.

Потом еще был памятный сюжет об испытаниях домашних тапочек. Парней из рок-группы «Сороконожка» попросили прогуляться в тапках различных производителей по Воробьевым горам и описать свои ощущения: комфортно ли, не хромают ли ноги и тому подобное. Причем Вительс изначально мечтал, чтобы рокеры прошли в домашней обуви несколько километров, и чтоб непременно по набережной Москва-реки, и чтобы одеты они были в некое подобие смиренных рубашек, и вели бы себя буйно – словом, чтобы зритель скончался от смеха. Но по жизни «сороконожки» оказались вовсе не такими придурками, какими выглядели на сцене и в клипах, клоунами они быть не хотели, к тому же день выдался мерзкий – ранне-осенний холод, секущий ветер, иглы дождя... В общем, ограничились коротким проходом по Воробьевым горам, разбежались, красноносая съемочная группа упала в какой-то кафешке, все опрокинули по рюмке коньяка, но Лиза все равно простудилась. Зато сюжет получился-таки смешной, и Самчук еще спорил с Вительсом стоит ли вырезать колоритное словцо «капедрец» из синхрона о тапочках.

Спустя несколько месяцев после описанных мытарств в компании ТВ-Прайм произошел раскол: у телекомпании сменился акционер, а как следствие – и гендиректор, и вот-вот должна была поменяться информационная политика. Народ стал разбегаться по другим каналам, Вительс и Самчук тоже совершили исход, хотя их жизнедеятельности ничто не угрожало. Оставшиеся сотрудники злобно посмотрели им вслед и решили начать сначала. В руководители произвели бывшего режиссера Сергея Храмова; Максима Панцова с Лизой Дубковой взяли в штат, и все завертелось сызнова, будто бы «Авоська» была каким-то вечным двигателем. Без прежнего руководства работалось свободнее. Храмов рулил командой без особого нажима, день-деньской разглядывая обнаженных девиц в Интернете; Лиза с Максимом вместе с зарплатой ощутили повышенный интерес к жизни и творчеству, но – если уж совсем откровенно – всем хотелось большего.

Глава 3

В это дымное лето Лиза заметно исхудала и приобрела сходство со стремительной нервной ланью. Год от года темп московской жизни как будто ускорялся, и Лиза скакала с уступа на уступ, порой, не разбирая дороги. И вот, в этой пропитанной гарью и солнцем круговерти, что-то вдруг затолкалось под сердцем – пока еще тихо и невнятно, но вполне ощутимо. Такого неизъяснимого чувства переполненности и полета Лиза не испытывала с тех самых пор, как приехала в столицу и забросила свои литературные опыты. Вскоре стало очевидно, что она беременна, однако не так, как все нормальные женщины (и как, наверное, было бы уже пора в двадцать пять лет), а совсем-совсем иначе. Руки, отвыкшие от упрямого шариковой ручки, тянулись к клавиатуре, но как только Лиза оказывалась один на один с монитором, ощущение беременности ее покидало. В концентрированном растворе не хватало каких-то компонентов.

– Все слишком мажорно, вот в чем дело, – потянувшись в кровати, пробормотала потенциальная писательница Дубкова. На телевизоре в хрупкой вазе, до краев полной прозрачным преломленным светом, распустилась одинокая чайная роза; теплое дыхание Бориса щекотало шею; за окном вызревало сказочно-туманное, но отвратительно пахнущее утро.

– Как думаешь, запах кофе перебьет этот смрад? – открыв глаза, сказал Борис. Глаза были густо-карие, сам Борис – высокий и длинноногий, поэтому ступни его торчали из-под куцевого хозяйкиного одеяла.

Лиза еще раз гибко вытянулась, выгоняя из тела сонливость, и единым кошачьим прыжком выскочила из кровати, стараясь ни на секунду не задержать торопливого течения утра. Кинула взгляд в зеркало на свое заспанное скуластое лицо и зеленые глаза с диковатым разрезом, порхнула на кухню. Тут же поплыл по квартире теплый кофейный аромат, зазвенела вода в ванной, Борис с полотенцем на бедрах, поставив одну ногу на стул, орал в трубку:

– Какая авария, Рыбенко, ты что – издеваешься?! Сколько должен? Это же вся твоя зарплата! Понятно... На работу прийти не сможешь... Знаешь, Рыбенко, ты полный козел и давно уже тебя пора уволить!

Загремела трубка, возвращаясь в исходное положение, на кухне вдруг запел Марк Нопфлер.

– Сделай погромче, – крикнул Борис, выбирая галстук.

Через несколько минут он уже сидел в свежей рубашке, при галстукке, уплетал бутерброд с сыром и делился с Лизой своими печальями:

– Я, наверное, его сегодня уволю... Рыбенко меня достал. Он, видишь ли, попал вчера в аварию, помял какому-то бедолаге авто – не говоря уж о его собственной колыхаге. Короче, все, как обычно. И чего я его столько за уши тянул, торгового представителя пытался сделать? Жрал бы он сейчас одну гречневую кашу в своих Химках. Вот они – москвичи, тюлени ленивые!

Рыбенко был нерадивый торговый представитель, а Борис – вполне перспективный менеджер и, соответственно, его начальник. Оба они работали в компании, которая занималась дистрибуцией минеральной воды самых известных марок, и уже год трудолюбивый немосквич Борис Ясин пытался добиться положительных результатов от разгильдяя-москвича Пети Рыбенко. Вечерами Лиза, подперев рукой щеку, выслушивала последние новости об этом противостоянии, иногда не без интереса.

– Боря, как он выглядит, твой Рыбенко? – спросила Лиза.

– Как урод! – отрезал Борис и вылетел из квартиры.

Троллейбус медленно плыл мимо Ботанического сада. В саду было мутно, загадочно, даже ограда утратила четкость линий.

– В пятницу обещали дождь, – сказала старушка с матерчатой сумкой, из которой торчало горлышко пивной бутылки, явно подобранной в одном из любимых мест отдыха молодежи.

– Мало ли что обещали! Конец Москве, – откликнулся бойкий старик с тростью. – Разжирела, как клоп, как комар – того гляди лопнет. Вот увидите, после торфяников еще ураганы начнутся.

Версия о том, что на Москву обрушилась кара свыше, казалась Лизе небезынтересной, но водитель неприветливо буркнул в микрофон: «Телецентр...», и она сошла на остановке.

...Телевизионный технический центр, именуемый также ТТЦ или Останкино, на самом деле не являлся ни тем, ни другим, ни третьим. В простой, незамутненной бюрократизмами речи тружеников телевидения оба здания по улице Академика Королева 12, а также 19 именовались не иначе как Стаканкино. Во всяком случае так было, когда Лиза только пришла на телевидение.

– Ну, что в Стакан? – вопрошали водители в засаленных рубашках у корреспондентов.

– Я в Стакане, – сообщали своим женам корреспонденты с опухшими от бессонницы и алкоголя глазами.

Впрочем, Лизе все-таки больше нравился многосмысловый вариант – «Останкино».

Охрана – пропуск – лифт – люди с кассетами – седьмой этаж – за угол по коридору – «Авоська».

В редакции назревал конфликт. Лиза с порога увидела широкую спину Паши Кошкина и его правую руку с пластиковым стаканчиком из-под кофе. Утратив привычную флегматичность, Кошкин потрясал этим стаканчиком перед Валею Бровушкиной.

– Почему! Я! Должен убирать твои стакашки с недопитым кофе?! Я НЕ МОГУ работать в таких условиях!

– Не работай, – равнодушно отозвалась Валя.

– Все! У меня на весь день испорчено настроение. – На круглом миловидном Пашином лице отразилась сложная гамма эмоций. – Почему у нас вечно все разбросано, почему такой свинарник? Мне надоело убирать за вами рабочие столы!

– Он назвал нас свиньями, – заметила Валя, приподняв брови.

– Я не могу работать в таких условиях! – повторил Кошкин, обращаясь к Лизе.

– Я уже слышала.

– Я...

– Ты, Кошкин, какой-то плюшевый, – перебила его Валя. – То не могу, это не могу, есть не могу в дешевой столовой, работать не могу... В армию бы тебя.

Кошкин, и вправду похожий на уютного плюшевого медвежонка, не нашел, что ответить и решил приступить к действиям. Он давно мечтал о перестановке.

Редакция «Авоськи» представляла собой унылое серое помещение без окон (как и многие комнаты в телецентре) с перегородкой для руководства. В общей зоне обитали корреспонденты, там вдоль гипсокартонных стен стояли старые черные столы с компьютерами, вечно заваленные бумагами, кассетами и – довольно часто – остатками вчерашнего ужина. Был еще крошечный закуток для ассистентов с втиснутыми туда холодильником и ксероксом. Паша Кошкин лелеял мечту произвести в редакции перестановку и улучшить, таким образом, рабочий антураж. Например, чтобы столы не тянулись вдоль стен, а стояли бы, скажем, друг напротив друга. Однако планы Кошкина натолкнулись на серьезное препятствие в виде коллег, которые категорически не желали сидеть лицом друг к другу, потому что, по словам Максима Панцова, в свою очередь грезившего об отпуске, «видеть уже не могли эти гнусные лица». Тогда Кошкин предложил поставить столы так, чтобы корреспонденты находились друг к другу спиной, но Валя Бровушкина сказала, что в таком случае они будут сидеть лицом к одному монитору и затылком к другому, то есть подвергаться двойному облучению, а от этого, между

прочим, лысеют. Паша попытался возразить, что компьютеры нынче не те, что с излучением полный порядок и все об этом знают, но Панцов сказал, что лысеть не хочет и баста.

Весь последующий час в «Авоське» царил страшная суета. Кошкин с ассистентом Гарриком перетаскивали столы и шкафы, Валя повторяла, что это полный «отстой» и что теперь уже она не желает работать в таких условиях, Лиза требовала от Кошкина каких-то важных бумаг, которые лежали «вот на этом столе» и сгнули в процессе плановой Пашиной уборки.

– Тут лежали только мятые замызганные бумажки, – оправдывался Паша.

– Ну, и что! – округлив от ужаса зеленые миндалевидные глаза, возмутилась Лиза. – Ты их выкинул?

Кошкин печально кивнул.

– Ко-о-ошкин... Заруби же себе на носу: это – не беспорядок! Это своеобразная разновидность порядка, свойственная творческим людям, к которым ты, судя по всему, не относишься. В этом беспорядке я всегда нахожу нужную вещь, а в твоём порядке ни фига нету! Все, хватит тут с мебелью носиться. Шкаф со столом здесь нормально поместились, а вот эту тумбочку немедленно верни назад.

– Почему? – неуверенно спросил Паша.

– Потому что это МОЯ тумбочка!

Изменения явно пошли на пользу комнате, но из упрямства никто этого не признал. Валя Бровушкина собрала свои африканские косички в толстый хвост и отправилась на съемку, попутно содрав с компьютера приклеенную скотчем Пашину бумажку: «За свинство на рабочем месте – штраф \$\$\$». Пришел Максим Панцов в растянутом свитере, с рюкзачком на плече, худощавый и насмешливый, сказал «вау» и похлопал Кошкина по плечу.

Еще через час прибежал Храмов, но вместо того, чтобы любоваться на голых баб в компьютере, поманил Лизу в сторонку с предложением покурить. Курить Лиза не курила, но постоянно дышала никотином, поскольку все конфиденциальные разговоры происходили в курилке, а чем чаще ты при них присутствуешь, тем больше у тебя информации, а информация, как известно, правит миром.

– Опять ни черта не видно, – огорчился Храмов, глядя в большие аквариумные стекла межэтажной площадки.

– Как ты можешь курить, дышать же нечем, – поморщилась Лиза.

– Сам удивляюсь. В общем, дело такое. Приходил вчера мужик – ты его, может быть, видела, – который купил огромную квартиру в элитной новостройке в районе Хорошево-Мневники. Собственно, она еще недостроена, но активно рекламируется – «Альфа-Омега», слышала? Вот, значит, купил этот толстосум квартиру, а тут слухи стали ходить, что Хорошево – место для строительства гиблое, что ни год, то почва проваливается. И вроде как она должна провалиться под этим самым домом, где он собрался жить, потому что строительная компания не соблюдает технологию. Мужик не на шутку огорчился, что выбрал жилье в таком опасном месте. Домишки-то – 25-ти этажные, не ровен час рухнут. А это знаешь, что означает?

– Нет, – безрадостно сказала Лиза. – Зачем ты мне все это рассказываешь? Хочешь, чтобы я помогла дяденьке квартиру спасти?

– Лизка, это тянет на журналистское расследование. Потому что если стройка идет на таком сомнительном грунте, это означает, что пол-округи может провалиться в тар-тарары!

– Ну и что? – все так же скучно отреагировала Лиза. Ей было совершенно очевидно, что Храмов намерен повесить на нее дело, требующее много времени и усилий, которые неизвестно чем увенчаются. – Разве грунты перед строительством не проверяют, разве никто ничего не контролирует?

– Ха! – воскликнул Храмов и нарисовал сигаретой в воздухе загогулину, напоминающую знак доллара. – Очнись, лунатик! Деньги строят! Тем, кто в Москве возводит элитки, закон

не писан. Кстати, знаешь, как называется компания, которая создала такой чудесный дворец для нашего дяденьки? «Олимп и Ко»!

– Да ну? – слегка заинтересовалась Лиза. Не далее как полторы недели назад она имела душераздирающую телефонную беседу с жильцами нескольких старых домов, которые находились в непосредственной близости со строящейся высоткой той же компании. Высотка называлась «Красная башня», и работы по ее возведению шли в такой тесноте со старыми зданиями, сваи под новостройку забивались так ожесточенно, что в прилегающих «сталинках» потрескались стены.

– Во! Я же говорю, у этих сволочей «олимпов» нарушений хренова туча. Помимо двух известных нам элитных комплексов, они строят еще два, причем один из них – в прекрасном сквере, соответственно, с вырубкой деревьев. По-моему, надо на них наехать. Собрать в кучу все эти факты – и наехать.

– Все это, конечно, замечательно, но придется заодно наехать и на правительство Москвы за то, что оно закрывает глаза на такие вещи, а?

– И прекрасно! – воодушевился Храмов. – У нас есть на это партийный заказ. Я говорил с руководством, они не прочь насолить мэру и замочить «Олимп и Ко», тем более что те с нашим каналом никак финансово не завязаны.

– Бить будут.

– А ты осторожно. Мы же не собираемся их с землей сравнивать – так, ущипнем немного, рейтинги свои поднимем. Даю тебе целых полтора месяца.

– Легко сказать – осторожно... Ну да ладно, посмотрим, – сказав это, Лиза попятилась от Храмова в сумрачную часть коридора, где ей делала отчаянные знаки Регина, ассистент из службы новостей. – Между прочим, а из-за чего эти провалы появляются?

– Вот заодно и узнаешь, – промолвил Храмов, и остался один на фоне застекленной Останкинской телебашни. Профиль у него был мефистофелевский – строгий, с синей тенью на выбритой щеке и темным непрозрачным глазом, созерцающим рубиновый кончик второй по счету сигареты.

За несколько секунд Регина успела раствориться в коридорном полумраке, и Лиза спустилась этажом ниже – в службу новостей, в простонародье именуемую «информацией». В одной из комнат, уставленной компьютерами, со стен вешали сразу три телевизора и одновременно несколько человек вопили в телефонные трубки.

– Алло, Южно-Сахалинск, ответьте! Южно-Сахалинск... Ничего не понимаю, белиберда какая-то... Алло, ребята, вы на каком языке говорите? Черт, Леша, японцы что – Сахалин захватили?

– Секретариат? Да-да, это Леша, вам прислали информацию, когда лошади в Москву прилетают? Пегасы – вы сами, а я про Кубок президента по выезде! Так, пишу... Домодедово, рейс...

Лизу чуть не сбил с ног усатый корреспондент со стопкой кассет в руках, напролом рванувший к выходу, и она поспешила от греха подальше выскочить из этой сумасшедшей комнаты. Тут же она увидела взмыленную Регину, которая на грани истерики цеплялась к окружающим с диким вопросом. Она схватила Лизу за руку и крикнула ей в ухо:

– Ты знаешь, как выглядит король Иордании?

– Что?.. Зачем? – опешила Лиза.

– О-о-о... – простонала Регина. – Затем, что я сейчас по шее получу от ведущего, затем что никто не знает, как этот проклятый король выглядит!

Ситуация у Регины действительно сложилась патовая: ей нужно было срочно смонтировать сюжет о событиях в семье иорданского монарха, используя для этого видеосъемку международного информагентства, и на слова «король Иордании» непременно воткнуть картинку с королем. Но, к несчастью, все мужчины на кассете выглядели по-европейски, королевской

мантии ни на ком не было, и, поскольку описания правителя Иордании к видеоматериалу не прилагалось, Регина решительно не могла опознать августейшую особу. До выпуска оставалось каких-то пять минут.

С Региной Лиза смогла спокойно пообщаться только за обедом в кафе. Кругленькая, с копной вьющихся смоляных волос, с полными покатыми плечами и множеством ярких браслетов на руках, Регина умиротворено уплетала кусок шоколадного торта. Ей удалось-таки найти «знакомых» злополучного монарха, которым оказался невзрачный человек в клетчатой рубашке.

– В информацию еще не надумала идти? – поинтересовалась Регина. – Ваш Панцов у нас регулярно трется и вроде как уже на хорошем счету.

Лиза отрицательно покачала головой.

– В информацию – как в омут с головой. Нужно все забыть, отказаться от личной жизни... и к тому же быть мужиком.

– Это точно, женщин у нас не очень любят – согласилась Регина, понизив голос. – Совершенно точно могу сказать, что существует негласная дискриминация. Особенно почему-то страдают слишком толковые и слишком красивые одновременно.

– Елецкая? – Лиза усмехнулась. Речь шла о звезде канала и руководителе службы информации Софии Елецкой.

– Понятное дело – годы поджимают. Хотя вот таких пустышек никто не боится: мозги куриные, внешность – смазливая, но стандартная, – Регина кивнула на соседний столик. Там, в облаке духов и дыма, с тонкой дамской сигаретой в пальцах, сидела девушка Белла – редактор из программы «Стиль». Кожа цвета топленого молока, точеный носик, томные взмахи подкрученных ресниц – Белла была типичной телевизионной барышней, холеной и самоуверенной.

Регина раздраженно звякнула браслетами и скривилась, точно шоколад в торте чересчур горчил.

– У меня, между прочим, новости, – продолжила она через минуту. – Повышение светит.

– Seriously?

– Ага. Из ассистентов – в редакторы. Не поздравляй, это не раньше, чем через месяц. И еще кое-что... Помнишь того парня из банка, я тебя с ним знакомила, кажется?

– Довольно смутно.

– Ну, неважно. Короче, он меня замуж зовет.

– И?

– Думаю. Знаешь, сразу появилось такое ощущение, что чего-то недогуляла.

– В двадцать восемь-то лет? – засомневалась Лиза. – Чем же ты все это время занималась?

– Да черт его знает, – Регина закурила сигарету. – Карьеру пыталась делать на этом треклятом телевидении. А сейчас думаю – черт с ним, с этим голубым экраном. Звезд с неба хватать уже не хочется.

– А мне хочется, – призналась Лиза.

– Просто ты еще не дошла до ручки.

Позже, на излете тяжелого, пропитанного гарью и суетой дня, Лиза задержалась у больших зеркал в холле. Вид у нее был утомленный. Глядя на свое отражение, она расправила плечи, убрала за ухо гладкую прядь каштановых волос и пришла к печальному выводу, что кожа ее за годы пребывания в столице приобрела тот же нездоровый сероватый оттенок, что и у большинства москвичек. Еще сохранился румянец на скулах, еще можно было обходиться без тонального крема и маскирующего псевдозагара в солярии, но Лиза огорчилась.

Показав охраннику пропуск, она вступила в суматошный московский вечер. На шестах тряпками повисли флаги телеканалов, гудели в пробках машины, оба здания Останкино как никогда отчетливо напоминали ящики из-под пива, и холодным свинцовым шаром подкатывало к горлу честолюбие.

Глава 4

Спустя неделю, после двух напоминаний Храмова, Лиза решила, наконец, заняться «Олимп и Ко». Для начала она изучила несколько журналов по недвижимости, в каждом из которых означенная фирма так или иначе фигурировала – главным образом, в виде рекламы и заказных статей. Из прочитанного следовало, что компания «Олимп и Ко» уже сдала в эксплуатацию широко известный жилой комплекс «Панорама» на Щукинской, и строит еще три элитных высотки, среди которых – «Красная башня» на Соколе и «Альфа-Омега» в районе Хорошево-Мневники. Деятельность компании отличалась невиданным напором и размахом: она отхватывала самые лакомые куски столичной земли, на которых со скоростью света вырастали чудовищных размеров дома – разве что здание МИДа могло бы соперничать с ними в монументальности. Начало строительства каждого из означенных объектов ознаменовалось протестами местных жителей, недовольных изменениями, которые внесла в их среду обитания фирма «Олимп и Ко». Однако на выступления аборигенов никто внимания не обратил, и освоение территорий продолжилось. Изучив все это и обзвонив нескольких сведущих людей, Лиза почувствовала нехороший, опасный интерес, характерный для увлекающихся журналистов. Что-то позволяло избежать «Олимп и Ко» излишнего контроля за своей деятельностью. Что-то позволило им втиснуться со своим проектом в плотно застроенный район Сокола и развернуть строительство в Хорошево, на улице Маршала Жукова, где совсем недавно были зафиксированы два карстовых провала... Поэтому Лиза, стараясь избавиться от своей заинтересованности, а также будучи девушкой здоровой, пришла к Храмову с риторическим вопросом:

– А орден мне дадут посмертно?

Сергей Храмов, в последнее время не на шутку увлекшийся философией, молча закрыл томик Ницше и потянул из Лизиных рук тоненькую папку с материалами дела. Лиза инстинктивно дернула папку на себя, Храмов удвоил усилия по изъятию материалов, Лиза не поддавалась – с сопением, не говоря ни слова, они некоторое время совершали поступательные движения, свойственные двум людям, распиливающим бревно. Двигаясь туда-сюда, папка рассекала воздух, пока, наконец, не выскользнула из рук Храмова. Лиза схватила ее подмышку, полностью отдавая себе отчет в том, что глупый азарт взял верх над здравым смыслом. И месяца не прошло с тех пор, как прекратились телефонные угрозы в адрес Паши Кошкина, разоблачившего администрацию одного из московских рынков, где были нарушены все мыслимые и немыслимые санитарные нормы.

– Ладно тебе, Лизка, расстраиваться, – жизнерадостно сказал Максим Панцов. – Я вот мечтаю пострадать как журналист. Представляешь, снял я гениальный сюжет про каких-нибудь гадов, тут же в подворотне налетают трое, бьют меня по почкам... или нет, лучше по лицу... Но я успеваю позвонить по мобильному, приезжает скорая, куча телекамер вокруг, и я мужественно улыбаюсь с носилок! Общественный резонанс, известность...

Максим Панцов был весьма честолюбив, и по этой причине в последнее время активно сотрудничал со службой новостей. В Москву он приехал из Екатеринбурга, отличался сообразительностью, ироничностью и здоровым жизненным эгоизмом.

– Кхм, – произнес Храмов, не отрываясь от Ницше. – Практика показывает, что все выглядит гораздо прозаичнее. Даже на почки не рассчитывай, контрольный в голову – и все дела.

– Спасибо, Сергей! – с сердцем сказала Лиза.

Вечером того же дня она встретила с господином, купившим квартиру в олимпийской высотке в районе Хорошево-Мневники. Человек этот по фамилии Волкевич (тот самый, что посещал на днях Храмова), будучи директором сети бутиков модной одежды, занимал роскошный кабинет в офисе на Малой Дмитровке. Лизу он принял радушно, бесшумная секретарша

поставила перед ней микроскопическую чашку свежесваренного кофе и удалилась. Волкевич закурил сигару, отчего на его крупном усатом лице появилось благодушное выражение.

– Видите ли, Лизонька, мне уже пятьдесят. У меня взрослые дети и молодая жена, такая же... э-э... симпатичная, как вы. Эта квартира должна была стать для нее в некотором роде... э-э... сюрпризом. Деньги в нее были вложены немалые...

– Простите, в кого? – мстительно поинтересовалась Лиза, чувствуя в себе ростки классовой неприязни.

Лицо директора бутиков на мгновение утратило свое благодушие, но он вежливо рассмеялся.

– Ха-ха, хорошая шутка. Ну, так вот, в квартиру – я ясно выражаюсь? – в квартиру были вложены значительные средства, поскольку я искал по-настоящему элитный дом, и «Альфа-Омега», на первый взгляд, соответствовала всем искомым параметрам. Но, как только необходимые бумаги были подписаны, а деньги уплачены, вокруг дома стали циркулировать совершенно невероятные слухи: якобы год назад всего в двухстах метрах от строительной площадки почва провалилась и образовались две воронки. И еще я узнал, что на Хорошевке и прилегающих территориях уже зафиксировано более сорока карстовых провалов! Это же кошмар, согласитесь! Я было подумал, что слухи распускают жители соседних домов, которые давно пора снести. Они же зверями на нас смотрят, эти люди! Но! К сожалению, некоторые слухи подтверждаются.

Волкевич посмотрел на Лизу, словно ожидая, что она ужаснется, но встретил абсолютно бесстрастный взгляд.

– Э-э-э... Из достоверных источников мне известно, что провалы там действительно были и что «Олимп и Ко» по ходу своей деятельности вносят какие-то изменения в проект. А ведь это небезопасно! Сейчас компания приступает к рытью котлована для подземного развлекательного комплекса, чего в проекте не было. Кто знает, чем это закончится...

Лиза поинтересовалась координатами «достоверных источников». Оказалось, что Волкевич состоит в приятельских отношениях с руководством другой строительной компании, которая является конкурентом для «Олимп и Ко».

– Понимаете, они пришли в ужас, когда узнали, где я купил квартиру! У них есть... э-э-э... информация, что этот участок небезопасен для возведения высотных зданий.

– А почему вы не купили квартиру у ваших друзей? Кстати, как называется компания?

– «Арх-Групп». Видите ли, они ведут застройку совершенно в другой точке – на Ярославском шоссе. Меня это не устраивало, хотелось, чтобы парк рядом, чтобы Серебряный Бор...

Было не вполне понятно, чего же хочет Волкевич от программы «Авоська»: вывести мошенников из «Олимп и Ко» на чистую воду, вернуть деньги за квартиру или подобрать другое жилье в безопасном – но только абсолютно безопасном! – месте. Лиза решила, что обращение в «Авоську» – своеобразная попытка шантажа «Олимп и Ко» со стороны Волкевича, мечтающего вернуть свои деньги. Впрочем, желания Волкевича Лизу совершенно не волновали, и уж никак не ради его интересов она ввязывалась в это дело. Записав координаты компании «Арх-Групп», она покинула офис.

К утру следующего дня развеялись последние клочья смога, потянуло дождевой свежестью, небо роняло редкие капли на носы прохожих. Лизе, для которой поездка в душевной дерганой «четверке» давно уже стали пыткой, стало легче дышать. Она решила частично посвятить съемочный день «Красной башне» на Соколе.

В операторской стоял привычный гул. Кто-то собирался на выезд, кто-то смотрел телевизор, кто-то, скрючившись, дремал на диване-развалюхе. Тыча в кнопки, над телефонным аппаратом склонился долговязый человек средних лет с крючковатым носом и выдающимся подбородком, отчего его лицо казалось немного старушечьим.

– Алло, я по поводу дачи, – бойко заговорил он дребезжащим голосом. – Это вы дачу продаете? А почему? Угу... А удобства у вас в доме или так – прямо на холоде? Нет, ну мало ли... Нет, я вообще не против, вся страна так живет – и ничего... Так, а... что-то вроде конюшни есть? Что – зачем? Нет, лошади нет, но мало ли, может, заведу... У меня, может, жена верховой ездой увлекается!

– Саша, брось людей дурить, у тебя и жены-то нет, а денег и подавно! – заметил кто-то из операторов.

Но Саша, добродушно усмехнувшись, уже набирал другой номер: на сей раз речь шла о покупке ружья.

– Сам я охотник. Гончих держу на даче. Нет, пока только две, но вообще-то хочу свору...

Лиза заглянула в график съемок и тяжело вздохнула: напротив строки «корреспондент – Е. Дубкова» значилось «оператор – Ф. Иваков, звукооператор – А. Сальников». Судя по составу съемочной группы, день предстоял непростой. При виде Лизы Федор Иваков недовольно дернул бородой и пошел собирать аппаратуру. Сашу Сальникова, который «покупал» сейчас по телефону то дачу, то домашний кинотеатр, то видеокамеру, пришлось пару раз встряхнуть за плечо, прежде чем он поверил в Лизино существование.

– С Сальниковым едешь? – прошептал Лизе на ухо вынырнувший откуда-то Витя Мальцев. – Вот веселуха!

Саша Сальников был личностью несурзадной. Съемки с его участием не обходились без приключений. Однажды, вешая микрофон-петличку на лацкан пиджака очень известной женщины, депутата Государственной Думы, он умудрился схватить даму за грудь, за что немедленно получил оплеуху. Женщина наотрез отказалась давать важное интервью ТВП, зато поделилась информацией со всеми остальными телеканалами. В новостях рвали и металы, до сих пор было не ясно, как Саше Сальникову удалось сохранить работу. Сам он, похоже, не осознал всей невозможности своего поступка, и на вопрос о депутатке отвечал, добродушно жмурясь, что груди у той нет вовсе. Женщин Саша очень любил, постоянно с ними знакомился, но, как правило, неудачно – возможно, потому, что на первом же свидании дарил им кукол-младенцев с намеком на будущее потомство или ананасы – в качестве подходящего продукта для диеты. Жил он в однокомнатной квартире, денег никаких не имел, но у тех, кто впервые видел его за телефоном в операторской, складывалось впечатление, что Сальников – очень деловитый и обеспеченный человек, который недавно разбогател и теперь подбирает себе соответствующий антураж в виде дачи, гончих собак, ружья, камина и прочих барских штучек. Целыми днями Саша внушал напрасные надежды подателям газетных объявлений, хотя однажды все-таки купил мобильный телефон, бывший в употреблении.

Первую половину дня Лиза снимала сюжет о кредитных картах: памятуя о том, что на «Олимп и Ко» Храмов дал полтора месяца, она решила закончить текущие дела. Кредитки доснимали как раз к обеду, к двум часам, и Лиза предложила перекусить. Огляделись, но, кроме «Макдональдса» ничего, что было бы по карману скромным труженикам телевидения, не увидели. Иваков стал крутить носом и наотрез отказался идти в этот «гадюшник», не рвалась туда и Лиза. Выручил Саша Сальников: он вспомнил отличную чебуречную, где очень вкусно кормят, и главное, совсем рядом – как раз на Проспекте Мира. Иваков подозрительно посмотрел на Сальникова, словно оценивая, что же является «отличным» местом для такого нестандартного человека, как Саша, и полез в машину.

Чебуречная действительно находилась неподалеку. Уже метров за сто в нос шибало запахом несвежего мяса, на который сбегались окрестные собаки и немые личности, распространяющие не менее сильный аромат. Иваков сдавленно крякнул и остановился.

– Чебуречками пахнет! – обрадовался Сальников. – Ну, вы чего? Идемте!

Иваков с Лизой переглянулись и с опаской отворили дверь.

Грязное помещение, полное чебуречно-пивного смрада и мух, напомнило Лизе привокзальную забегаловку советских времен (из детских воспоминаний почему-то очень отчетливо всплыл бомж с шапкой-ушанкой вместо тарелки, откуда он доставал руками дымящиеся пельмени). Посетители – мужчины с сизыми, пропитыми лицами – жевали свои чебуреки, стоя за высокими столиками, женщина за прилавком выглядела как стерва. Мужик за ближайшим столом лукаво взглянул на Лизу лиловым подбитым глазом, и она рванула на улицу, попутно отдавив ногу Федору Ивакову.

– Ты куда? – крикнул с крыльца Сальников. – Сегодня даже бомжей нету!

В результате Лиза с Иваковым нашли утешение в соседней кофейне – не самой дешевой и вполне приличной. Чувство голода после посещения чебуречной почти улетучилось, поэтому ограничились кофе и яблочным пирогом. Время от времени со стороны улицы к огромным прозрачным окнам приникал Саша Сальников и делал им дружеские знаки. В руках он держал пакетик с чебуреками, из которого капало.

К тому времени, как машина ТВП добралась до «Красной башни», над Москвой вскипели неопрятные мохнатые тучи, в их прорехах грозно вспыхивало бронзовое солнце. Две кирпично-красные высотки достигали своими вершинами неба, рядом топорщились еще две – недостроенные, и, подавленные их дьявольским величием, жались друг к другу близлежащие пятиэтажки.

– Го-осподи! – с отвращением произнес Иваков. – Ну, и теснотища...

«Красная башня» отвоевала порядочный кус земли, и теперь обитателям старых домов вместо солнца и неярких столичных звезд предстояло наблюдать грандиозное сооружение для денежных господ. Новостройки, наподобие резервации, были отгорожены от внешнего мира витой чугунной оградой, за нею на неосвоенном еще клочке урчал экскаватор.

Федор Иваков, стоявший столбом, точно памятник Оператору, получил задание отразить пейзаж во всей его неприглядности и скученности. Пока он «отъезжал», «наезжал», делал панорамы, Саша Сальников, от которого пока никаких действий не требовалось, бродил по округе, пытаясь завести знакомства с местными жительницами.

Тем временем вокруг камеры началось обычное мельтешение. В кадр нахально влез пробежавший мимо тинейджер, отчего бородатое лицо Ивакова слегка позеленело.

– Что ты снимаешь, милоч? – заверещала ему в ухо пестро одетая старушка. – Громадину вот енту, чтоб она провалилась? Ты сними – вон мусор какой вокруг развели!

Иваков засопел и нацелил камеру в небо, где сходились верхушки высоток. Тут же сбоку образовался интеллигентный старик в летней шляпе и, прокашлявшись, обратился с вопросом, доводившим операторов до белого каления:

– Простите, а вы из какой газеты?

– Мы с радио, – просипел Иваков, вращая глазами.

Лиза подошла к кучке людей возле облупленной детской карусели, и в течение нескольких минут стало понятно, что дело здесь действительно швах. Саша Сальников был выдернут из компании двух тусклых девиц, которых он в меру своих способностей пытался соблазнить, и послан за Иваковым и микрофоном-удочкой. Добыча была хороша: взбешенным строительством жители проявили необычайную активность. В квартирах соседних домов совершенно нарушилась инсоляция, стены дали трещины, от чудовищного грохота под окнами трое стариков и пара младенцев получили легкую контузию...

– Хоть вешайся в собственной же квартире, – резюмировала молодая женщина, крашенная в баклажан. – Да вы вон у дедуся нашего спросите, у Верховского! Если уж у кого снимать трещины в стенах, так это у него. В его квартире и стекла полопались, он их полиэтиленом пока заклеил. Вы спросите, спросите! Кстати, он сам строитель, метро в краснознаменные годы прокладывал.

Лиза уже обратила внимание на маленького, поросшего одуванчиковым пухом старика который сидел в стороне от общего гвалта, повернув на шум любопытное измятое ухо. Обнаружив на себе Лизин взгляд, Верховский пушинкой оторвался от скамейки и неожиданно быстро, словно гонимый усилившимся ветром, поплыл в сторону подъезда.

– Дедушка! – окликнула его Лиза. – Подождите, пожалуйста, де... М-м-м... Товарищ Верховский!..

Белоснежный затылок бывшего строителя метро равнодушно скрылся в темном прямоугольнике подъезда. Лиза поспешила за ним.

Она нагнала старика на втором этаже, когда тот поспешно пытался вставить ключ в замочную скважину. Свободной левой рукой он держал за шкуру лохматого серого кота с неприятной мордой.

– Послушайте, Верховский... Я не знаю вашего имени-отчества... Подождите секунду, я с канала ТВП, вы не могли бы рассказать...

Покладисто кивнув головой, старик сунул Лизе кота:

– Подержи кису, деточка.

Котище немедленно вцепился Лизе в шею и, пока она с воплем отдирала его от платья, старик ловко скрылся за дверью.

Отшвырнув урчащее животное, Лиза ошалело уставилась на обитую черной клеенкой дверь. По лестнице поднималась уже знакомая женщина с баклажанными волосами.

– Что, плутует дедусь? – усмехнулась она. – Вы не сразу, не нахрапом, а то он у нас со странностями. Между прочим, у него очень богатая дочь, она сюда на дорогой машине иногда приезжает, но дед наш не любит всей этой роскоши, строит из себя идейного борца.

Лиза, записав номер дома и квартиры Верховского, попала из подъезда напрямик в пыльную бурю, на небо было страшно смотреть. Тут же ее подхватила под руку седовласая женщина с детским выражением лица и сообщила, что у нее есть важные сведения.

– Верховский? – женщина рассмеялась. – Я вас умоляю, что может знать этот старик! Он сумасшедший. Не верите? Да-да, он у себя в ванной изобретает порох.

– Порох, если я не ошибаюсь, давно уже изобрели, – заметила Лиза.

– Ну, значит, что-то в этом роде... Да, вспомнила! Действительно не порох – он тротильные шашки у себя прячет в ванной комнате.

– Откуда же у него тротил?

– А нашел. На рыбалке нашел – браконьеры на озере забыли. У него, видите ли, есть домишко в Тверской области...

– Стоп, стоп, подождите! А вам откуда известно?

– Да сам же и хвастался на весь двор. Да я вас умоляю, этих шашек по всей стране раскидано... Ну да Бог с ним, с Верховским. Вы знаете, я работаю в администрации мэра, поэтому прекрасно осведомлена о ходе строительства.

– Вот как?

– Да-да, и признаться, меня беспокоит этот дом... Понимаете, я здесь в общем-то жить не должна – моим предкам принадлежал один из домов на улице Гиляровского. К счастью, принят закон о реституции... Я, видите ли, из рода Романовых, – конфиденциально сообщила женщина.

Романовы были нехорошим признаком, это Лиза знала точно. После Романовых обычно начиналась полная чушь.

– Так что же вы мне хотели сообщить?

– Ах, да. Яма – она растет день ото дня, она все шире и шире...

– Это которую экскаватор раскапывает?

– Именно! Скоро туда начнут падать дети. Дети! Вокруг столько детей!

– Но, позвольте, она же за оградой.

– Ну, и что? Они везде лазают. Я слежу из окна по ночам – по-моему, ночью кто-то тоже копает, понимаете? Утром она становится больше!

«Так», – подумала Лиза и, наконец, обратила внимание на стоявшего за спиной женщины Ивакова, чье лицо исказили судорожные подмаргивания. Тогда она начала потихоньку отступать к машине, но у самой «четверки» наследница дома Романовых хватанула ее за руку и сказала, что ждет Лизу на презентации.

– На какой презентации?.. – поразилась Лиза.

– Ага! Я вас заинтриговала, мадам Брошкина! – воскликнула женщина, интимно подмигнув. – Звоните!

– Что это было? – произнесла Лиза, когда машина выехала со двора.

– Отгадай с трех попыток, – буркнул Иваков.

– Нам она представилась полковницей ФСБ, – сказал Сальников, и под его крючковатым носом расплзлась улыбка. – Приглашала на презентацию, где ей вручат какой-то орден героя...

– Ага, и будет присутствовать Борис Ельцин в компании с Аллой Пугачевой и Элизабет Тейлор. В спорткомплексе «Олимпийский», – добавил Иваков. – А Сальников сдуру дал ей телефон вашей редакции.

– Саша, ты в своем уме?

– Да ну подумаешь...

В машине Лизу настиг звонок Бориса, и только тогда она осознала, что сегодня пятница и впереди чудесный вечер с последующими субботой и воскресеньем. Они договорились встретиться в кафе возле метро «Алексеевская».

Загрохотало, в показавшийся издалека шпиль Останкинской телебашни ударила голубая молния, улицы поплыли, заметались туда-сюда дворники на лобовом стекле. Лиза выскочила у кафе, а машина помчалась дальше, в телецентр.

Над кафе изумрудно переливалась вывеска, на подоконниках россыпью лежали лакированные кофейные зерна с золотистыми турками. Лиза влетела внутрь, оставляя за спиной потоки воды и помрачневший проспект, и тут же увидела Бориса – он сидел у окна и вглядывался в ливень. Рубашка, галстук, брюки со стрелками – ненавидимая к концу недели униформа делового мира, задумчивая складка у переносицы. Лиза устало опустилась рядом с ним, улыбнулась и убрала со щеки мокрую каштановую прядку.

Пили martini со льдом, заказывали десерты, Борис водил указательным пальцем по сетке царапин, оставленных на Лизиной шее проклятым котом, и насмешливо говорил, что у Лизы опасная работа, но журналисты всегда получают за дело.

– Будь я знаменитостью, ни одного журналиста не пустил бы в свою личную жизнь. Оборонялся бы от них бейсбольной битой.

– Ну, одного ты уже пустил...

Ливень за окнами слегка поутих, не по-летнему поспешно подступили сумерки. Лиза сообразила, что она проморгала наступление августа – месяца, который ее всегда тревожил и вдохновлял на всякую писанину. К роялю в глубине кафе подошел человек во фраке, летучим движением рук оживил клавиши, заиграл что-то французское. Лиза и Борис сидели у пронцаемых окон, как в витрине, и такой же витриной был для них мокрый проспект. Остановился напротив глянцевый автомобиль, из него вышел глянцевый мужчина. Прошагал под огромным зонтом человек с палевым лабрадором на поводке.

– Мы все-таки одолеем этот город, Лизка, – сказал погрустневший Борис. – Все у нас будет: и дом, и дети... Ну, славу я оставляю тебе – мне она не нужна.

Лиза молча улыбнулась и пригубила martini.

Глава 5

Москва была предметом детской влюбленности Лизы Дубковой. Ранним жемчужно-серым утром, когда подмосковные деревья стоят по пояс в туманах, просыпалась она в качающемся вагоне от сладкого ощущения близости необъятного, несказанного, долгожданного. Москва коммунистическая, пыльная и блеклая по сравнению с Москвой нынешней, мнилась маленькой Лизе чудесным сказочным градом с царскими куполами, неисчерпаемостью улиц, переулков, магазинов, редкостных лакомств и игрушек. В Лизиних воспоминаниях не было лета. Столица запечатлелась в голубовато-белом ореоле метелей и была в точности такой, как на советских новогодних открытках: с крупными снежинками и темно-сапфировым небом, в котором пронзительно горели тяжелым рубиновым пламенем кремлевские звезды. Еще легла на сердце московская осень – смесь серых и рыжих оттенков, бурные листопады в старых районах, где бесприютно мокли под грузным стальным небом разросшиеся деревья. Москва вспоминалась фрагментами – не Красной площадью и парком Горького, а все больше жесткими прямоугольниками спальных районов, скрытых за снегопадом и облетающей листвой. Лиза приезжала в столицу так часто по одной грустной причине: обострение астмы требовало серьезного лечения, а лучшие врачи, как и все остальное, обитали в Москве. Остановиться было не у кого, они с мамой мотались по гостиницам на окраинах, где им почти всегда отвечали, что мест нет. Но мама с ее искренними глазами, бриллиантово переливавшимися от сдерживаемой соленой влаги, внушала москвичам доверие. Лиза помнила выстланный поземкой путь к многоэтажке в Беляево, каких-то детей в квартире, свет в стеклянной двери и – сквозь сон – тихую мамину беседу с дворником детской больницы, пустившим их переночевать. Потом была Анна Павловна – интеллигентная седая старушка, у которой мама совершенно бесплатно жила, пока Лиза лежала в стационаре. Были еще какие-то добрые, неведомые ей люди, помогавшие маме, но сама Лиза существовала в другой реальности – в палате детской больницы имени Русакова, той, что по соседству с тюрьмой Матросская Тишина. Как-то раз на ее долю выпало немного праздника: после ужина она забрела в темный конец больничного коридора и долго стояла у окна, наблюдая, как вспыхивают и гаснут разноцветные искры октябрьского салюта. С годами астма отступила и почти не тревожила Лизу, а воспоминания о салюте – остались.

Однажды они с мамой посетили Птичий рынок, куда Лиза так долго рвалась. Официальным предлогом был выбор ошейника для спаниеля Шумки, оставленного дома на попечении отца. В неописуемом восторге бродила Лиза среди рядов с аквариумами, клетками, в которых томились птицы и грызуны, среди детских манежей и картонных коробок, откуда с визгом лезли дурашливые щенки всех размеров и мастей. Внезапно на них кинулась огромная кавказская овчарка, привязанная к столбу. Укусить не успела, но оставила на маминой руке небольшую кривую царапину. Хозяйка собаки, крупная дама с сигаретой и претензией на светскость, равнодушно пихнула овчарку жирной ногой, а мама, женщина с повышенной мнительностью, потребовала у дамы справку о том, что псина привита от бешенства. Справку она так и не увидела, пришлось верить хозяйке на слово. Но что-то не давало маме покоя, она ходила по рынку кругами и неизбежно возвращалась к столбу с кавказской овчаркой, где вновь звучал вопрос о прививке. После третьего подхода дама закатила глаза, манерно выпустила в небо облачко сигаретного дыма и произнесла пренебрежительно:

– Провинция...

Впоследствии, когда Лиза выросла и ворвалась в этот город со своими планами и мечтами, она в полной мере смогла почувствовать, что вкладывают некоторые москвичи в слово «провинция». За этим словом скрывалось все их высокомерие и снисходительность по отношению к согражданам с неправильным местом рождения, вся их незаслуженная причастность

к благам цивилизации, оправдание их лени и инертности, откровенная зависть к неукротимой энергии, прущей из глубинки, и затаенный страх перед нею... Судьба сыграла с москвичами злую шутку: позволив им родиться в самом центре страны, лишила воли к жизни и стремления достичь вершин мироздания. Ощущение своей «центральности» расслабляло и, по словам Бориса Ясина, делало из людей аморфных медуз. С недоумением и злостью выслушивала Лиза их нытье, постоянные жалобы на жизнь и отсутствие денег, когда сама она около года существовала на столь незначительные средства, что сейчас даже странно было представить. Эти люди, не прилагая никаких душевных и физических усилий для повышения своего материального благосостояния, время от времени искали утешения в ксенофобии, которой предавались весьма охотно. Впрочем, чем дольше жила Лиза в столице, тем терпимее становилась она к ее постоянным обитателям. Среди них было очень много тихих, корректных, независтливых – милых в целом людей, похожих на тех – из детства. Однако ей давно уже стало понятно, что коренные москвичи – это фикция. Возможно, их не существует в природе, потому что очень немногие имевшие столичную прописку могли претендовать на эту самую «закоренелость». Подобно тому, как сам город иной раз казался громадным неоновым фантомом посреди отечественной неухоженности, так и «москвичей» регулярно поставляла провинциальная Россия, и были они на первых порах сильными и жизнеспособными, утрачивая эти важные эволюционные свойства в последующих поколениях.

Той августовской ночью, когда скорый поезд пересекал невидимую границу одного бытия и вливался в бытие другое, Лиза не сомкнула глаз. Высунувшись в окно возле туалета, она жадно вдыхала тьму, впускала в сердце сиреневые огни, мелькавшие в спутанных ветвях черных деревьев. Встречный ветер хлестал ее по лицу, вздыбливал волосы, раздувал синюю рубашку и пронзительно пах одиночеством. Лиза ехала на чужбину, и никаких иллюзий у нее на этот счет не было. Начисто лишённая инфантильной надежды на московское гостеприимство, Лиза прекрасно осознавала, что никому там не нужна, пока не докажет обратное. В столицу ее гнала альпинистская страсть к покорению высот, а не отвращение к родной глубинке – при взгляде на саманные избы, омуты старых колодцев, исколотые дождями перелески Лиза, между прочим, испытывала катарсис.

В Москве она пожила несколько месяцев у знакомых маминой подруги, добрых людей, не гнавшихся за деньгами и чистотой. В кухонной раковине у них ночевало стадо упитанных тараканов. Потом ей повезло – подвернулась совсем недорогая по столичным меркам однокомнатная квартира, съедавшая, тем не менее, больше половины Лизиного скромного заработка. Хозяйка, конечно, регулярно сокрушалась о своей тяжелой жизни и о маленькой зарплате своих сорокалетних детей (на взгляд Лизы, довольно сытых дяденек с несчастными выражениями лиц), но была вполне вменяемой и порядочной женщиной. Правда, регистрировать Лизу в квартире из каких-то соображений отказалась, из-за чего та пролила некоторое количество слез, но после успокоилась и ходила мимо милиции с наглым московским видом. Ее останавливали всего пару раз.

Работать Лиза устроилась в красочный журнал, посвященный дизайну и обустройству дома. Владелец журнала, лысый длинный старик, называемый за глаза по отчеству – Ефимыч, платил немного и очень мучился от того, что ему вообще приходится кому-то платить. В день зарплаты – пятого числа каждого месяца – он накрепко запирался у себя в кабинете, стараясь не обращать внимания на робкое царапанье в дверь, производимое жаждущими денег сотрудниками. Те устраивали засаду и ждали старика до самой ночи, хлопая иногда дверями, чтобы создать звуковой эффект своего ухода. Наконец Ефимыч осторожно высовывал в щель покрытый пигментными пятнами нос – и его брали с поличным. В самом что ни на есть отвратительном расположении духа начинал он отсчитывать драгоценные зеленые бумажки, выдавая обычно только половину зарплаты. Остальное журналисты были вынуждены вытрясать из алчного старика еще несколько дней. Ефимыч имел любовницу – тридцатилетняя красотка Ада

когда-то занималась всего лишь версткой, а теперь – всем журналом и его приложениями в качестве заместителя главного редактора. По рассказам водителя, Ефимыч любил ее хватать во время поездок за коленки. У Ады был муж, который работал руководителем отдела верстки, и разводиться с ней не собирался – напротив, они активно обустроивали новую квартиру, купленную на деньги, щедро отстегнутые Аде Ефимычем. Как такое может быть, у Лизы плохо укладывалось в голове.

Находившись по ресторанам и ночным клубам, вдоволь налюбовавшись цветомузыкой Тверской и Нового Арбата, Лиза потеряла ко всему этому интерес и неожиданно встретила Бориса. Поздно вечером, возвращаясь с презентации мебельного салона, в подземном переходе возле станции «Арбатская» она узрела двух пьяных парней, оравших под гитару «Мочалкин блюз». Люди от парочки шарахались, но Лиза, перебравшая на презентации мартины, решила присоединиться к веселым ребятам. Так она познакомилась с Борисом Ясиным и его приятелем. Оба оказались уроженцами Брянска.

Провинциалам Лизе и Борису не было никакого резона заводить друг с другом серьезные отношения, потому что любовные связи в Москве – это в первую очередь приспособление к враждебной среде. Но они поступили глупо: поселились вместе. Земляк Бориса поначалу округлял глаза и протяжно тянул:

– Ну-у вы-ы э-экстрема-алы! Ничего вы вместе не добьетесь, потому что ни у кого из вас ничего нет. Лизка, ты же на тэвэ тусишь, там же полно всяких продюсеров, режиссеров при деньгах...

Однажды, после очередного совета Лизе найти денежного мужика на телевидении, приятель с брянщины получил от Бориса в глаз, после чего и утих. Лиза, делая ему примочки, с усмешкой объяснила, что телевидение как минимум на пятьдесят процентов состоит из приезжих. Через пару месяцев парень укатил на родину, так и отыскав себе пристанища в огромной Москве.

В «Авоську» Лиза пришла, еще работая в журнале. Собственно, телецентр и был основной ее целью, но попасть туда вот так – прямо с улицы и тут же заработать денег было невозможно. Поэтому журнал служил для Лизы источником доходов, а Останкино – целью, которую нужно достигнуть. Она упорно торила тропинку в телецентр. Правда, она не могла и представить, что телецентр, воображаемый ею не иначе, как местом небожителей, так ужасен. Не раз и не два Лиза спотыкалась о задравшийся линолеум в темных и страшных коридорах, путалась в этажах и психовала, потому что девятый этаж вдруг оказывался одиннадцатым – в зависимости от того, на каком лифте она ехала. Внизу с лотков торговали булками, и это тоже было странно – Лизе казалось, что телевизионщики обедают исключительно в ресторанах. Наверное, кто-то и обедал, но мучное с лотков исчезало очень быстро, а Вительс с Самчуком вообще лопали «Доширак».

До известного момента Лиза разрывалась между журналом и «Авоськой»: снимала по выходным, статьи писала по ночам, пила таблетки от головной боли и постепенно теряла нижегородский румянец. К тому времени, когда ее позвали в штат канала ТВ-Прайм, Ефимыч окончательно перестал выплачивать зарплату в оговоренные сроки и в нужном размере. Лизиним уходом он казался слегка уязвлен, врал о каких-то заманчивых перспективах, но перспективы здесь были только у Ады, благодаря которой и сокращалась день ото дня зарплата сотрудников. Нельзя сказать, что Лиза жалела о времени, потраченном на журнал: она изучила Москву пафосную, Москву модных архитекторов и дизайнеров, Москву роскошных интерьеров и загородных особняков, а главное – познакомилась с семьей Бровушкиных. Это знакомство позволило Лизе еще сильнее ощутить всю многогранность и контрастность столичной жизни, поскольку члены этой семьи были до чрезвычайности непохожи друг на друга, но каким-то странным образом сосуществовали рядом.

Все началось с антиквара Марка Лоренца, обладателя четырехкомнатной квартиры с дворняжским интерьером. Он был героем фотосессии о русском укладе жизни, и у Лизы сначала не укладывалось в голове, как человек с немецкой фамилией может вписаться в такой контекст. От нее требовалось небольшое текстовое сопровождение к фотографиям. Антиквар, владелец аукционного дома, оказался мужчиной лет шестидесяти пяти в хорошем сером костюме и с брюшком. Он курил сигару, снисходительно смотрел на мир и был похож на капиталиста из советской хрестоматии. «Мистер Твистер, бывший министр...» – тут же припомнилось Лизе. Пока фотограф снимал комнаты с раритетной мебелью, часы с боем, картины, фигурки животных и двух ленивых борзых на диване, Лиза успела проникнуться ко всему этому симпатией. Марк Лоренц превосходно знал русскую историю, удачно шутил, не забывал отгонять назойливого остромордого щенка, который хватал Лизу за подол юбки. В конце концов Лиза поняла, почему обрусевшего немца журнал решил сделать главным персонажем этой фотосессии: по ее ощущениям антиквар до сих пор жил в прошлом веке, во многих вещах был крайне консервативен, обожал Пушкина и плакучие ивы над заросшими прудами старых усадеб, а кроме того, устраивал конные охоты с борзыми собаками где-то в средней полосе России. Тут же Лиза познакомилась с его племянницей Валею Бровушкиной, которая в тот момент заканчивала факультет журналистики и в «Авоське» еще не работала. Валя по великому прошлому Российской империи ничуть не ностальгировала, фамилию носила совсем не аристократическую, проделывала со своей прической чудовищные эксперименты, обожала шоппинг (особенно в Милане, где жила с мужем ее сестра) и мечтала о мини-купере. Словом, ничего более контрастного, чем племянница и ее дядюшка по материнской линии, представить было нельзя.

С Валею Лиза сошлась довольно быстро, бродила с ней по всяким интеллектуальным тусовкам, с удовольствием гуляла с двумя русскими псовыми борзыми Играем и Вербой (их щенок к тому моменту отправился на постоянное место жительства к новым хозяевам) и однажды привела Бровушкину в «Авоську». Впрочем, вряд ли это можно было назвать настоящей дружбой – чересчур близкое общение с Валею могло утомить кого угодно.

На третий год Лизино пребывания в столице ее детская влюбленность стала постепенно растворяться в обыденности. Ни старинные дома, ни огромные магазины, ни ночные бусы огней уже не могли вернуть городу того волшебства, которое было ему когда-то присуще. Лиза отчаянно цеплялась за свою сказку, но та неумолимо взрослела вместе с ней. Чудо из чудес – московское метро не утратило своей помпезности и самоцветного сияния витражей на станции «Новослободская», однако серая, хронически невыспавшаяся, толпа и зловоние кольцевой линии исключали саму возможность какой-то магии. Лишь поздно ночью, к самому закрытию подземки, иногда удавалось уловить отзвуки детства – в мелодии вальса, эхом летящей из далекого перехода, в полоснувшем по ноздрям запахе духов, горьком и волнующем, в блуждающих сквозняках и желтых глазах надвигающегося из тьмы поезда. Еще сладко ныло сердце по весне, когда в метро продавали грубоватые веники мимоз, а на улицах буйствовал сырой противный ветер, полный невнятных и заманчивых обещаний. Правда, происходило это все реже. И когда на привычных маршрутах, среди знакомых зданий, искусно подсвеченных по вечерам и оттого неузнаваемых утром, Лизу настигало прежнее чувство очарованности, она бывала по-настоящему счастлива.

Кроме того, с ней и Борисом стали происходить другие странные явления, которые Лиза с прискорбием определила как «сытость». Чем большего они достигали в материальном смысле, тем меньшее удовлетворение испытывали от вещей, некогда приносивших радость. Все ананасы, кокосы, йогурты и семги были перепробованы, не хотелось ни ресторанов, ни ночных кутежей, и даже новая одежда равнодушно вешалась в шкаф, а не примерялась много раз перед зеркалом, как прежде. Наблюдая за смертью своих желаний, Лиза пыталась предста-

вить, что же будет дальше, когда они с Борисом наконец-то достигнут неких высот, которые брезжили за горизонтом.

Награда за смелость казалась весьма сомнительной.

Глава 6

Субботу Лиза провела в седле, пуская коня рысью по извилистым тропам подмосковного леса. Казалось, в воздухе еще витает едкость недавнего торфяного чада, но лоскутки неба в просветах между ветвями были чисты и прозрачны. Вороной жеребец Тюльпан опасно косил блестящим глазом, и Лиза пыталась предугадать, когда же он начнет давать свечи или бить задом. Тюльпан был дьявольски красив, зол и норовист, а потому день-деньской простаивал без дела – дилетанты его боялись. Зато Лиза находила в таких прогулках постоянный источник адреналина: они с жеребцом с переменным успехом вели борьбу характеров. Следом ехал Борис на белой длинноногой кобыле, подобранной к его высокому росту; замыкала процессию Валя Бровушкина на ленивой лошаденке, которая все время норовила отстать и пожевать ветки. Рядом бежал борзой пес Играй, откровенно скучавший, от того, что при таком ходе никак не мог развить сумасшедшей скорости, положенной ему природой. Впрочем, скорость удалось наверстать на просеке, где лошади перешли в галоп. Даже Валина кобылка оказалась довольно резвой, от чего всадница заметно нервничала – это был всего лишь ее третий верховой выезд. Ранее на все предложения дяди Лоренца проехаться на конную охоту в российскую глубинку Валя отвечала кислой гримасой. А потом верховая езда вошла в моду.

Выпрямившись в седле, Лиза собралась было вдохнуть полной грудью лесного воздуха, и тут на пути показалась огромная коряга. Тюльпан всхрапел, дернулся в сторону, понесся, не разбирая дороги, прямо в гущу деревьев. Отчаянно пытаясь удержаться в седле, уклоняясь от веток, грозивших выцарапать глаза, Лиза с ужасом смотрела, как прямо на нее летят широкие стволы дубов. Судя по крикам, за ее спиной тоже происходило неладное: взбесившиеся вслед за Тюльпаном лошади совершенно не обращали внимания на всадников.

Вдоволь наскакавшись среди деревьев, Тюльпан вернулся на просеку и бесновался еще полчаса. Лиза уже давно перестала слышать Бориса и Марусю, из последних сил пытаясь приструнить жеребца. Тот, наконец, прекратил делать свечки и попытался цапнуть Лизу за ногу.

Когда взлохмаченная и исцарапанная Лиза верхом на взмыленном Тюльпане появилась у конно-спортивной базы, ее ожидали столь же потрепанные Борис с Валею, уже спешившиеся, но не вполне отдышавшиеся. На травке в обнимку с плеером возлежал Максим Панцов и с удовольствием рассуждал, что, когда взрослые люди играют в ковбоев, это выглядит как минимум забавно. Однако в тот момент, когда над ним нависла мокрая морда Тюльпана, который попытался позаимствовать плеер, веселость немедленно покинула Панцова. Он очень боялся лошадей, потому что это был вид транспортного средства, способный мыслить независимо от водителя. Рядом с Максимом сидел его приятель – лохматый чернокожий юноша лет двадцати шести на вид с изображением команданте Че на майке. Имя и фамилия у парня были совершенно русские – Тимофей Кузьмин, и прежде, в старом советском паспорте, в графе «национальность» у него значилось – «русский». Смешно сказать – он почти не знал английского и никогда не выезжал за пределы России, как впрочем, все его предки по материнской линии. Мулат Кузьмин был дитя Олимпиады 80-го, и когда вся страна со слезами на глазах провожала улетающего в небеса олимпийского мишку, напевая «До свиданья, наш ласковый мишка, постарайся вернуться назад», советская студентка Лида Кузьмина прощалась – тоже, надо думать, не без слез, – с Тимофеевым папой, легкоатлетом с далекого заокеанья. Основным учебным пособием о неграх в СССР служила книга Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», а потому к чернокожим людям заведомо относились с сочувствием как к угнетенной расе. Однако поведение комсомолки Кузьминой, в положенный срок родившей младенца нехарактерного цвета, было признано аморальным. Не заостряя внимание на судьбе мамы Тимофея, нужно отметить, что ее сын оправдал худшие опасения окружающих. Не далее как сегодня утром на Киевский вокзал прибыл поезд сообщением «Жмеринка-Москва», и вез этот поезд

много чего интересного, включая измельченные в порошок листья растения Cannabis Sativa, которые Тим с благодарностью принял и бережно припрятал в недрах своего грязного рюкзака. Вернувшись в загаженную квартиру по улице Вагоноремонтной, дитя Олимпиады соорудило себе аккуратный косячок и раскурило его с одним из своих бледнолицых друзей. Помимо пристрастия к канabisу, Тим имел еще одно сильное увлечение – он был автостопщиком, объехал на халяву полстраны, и Максим Панцов с удовольствием его задействовал в некоторых своих сюжетах. Прочие корреспонденты Панцову завидовали, потому как ни у кого такого колоритного знакомого не было.

Придя в себя после дикой скачки, умывшись и причесавшись, все уселись в беседке возле трактирчика, который был частью конно-спортивного комплекса. Неизвестно, распространялось ли распоряжение пожарной службы не разводиться в лесах огонь на этот трактир, но им пожарили довольно приличные шашлыки и плеснули в графин ледяной водки.

– Как у тебя дела с подлецами-строителями? – поинтересовался Максим Панцов, макая кусок мяса в кетчуп.

– Пока никак, – Лиза пожалала плечами. – Завтра пойду уговаривать насчет съёмок одного старика. У него квартира вся в трещинах. А в другом месте – карстовые провалы, я туда еще не ездила.

– Что такое карстовые провалы? – спросила Валя.

– Ты все равно, Бровушкина, не поймешь, – отмахнулся от нее Панцов.

– Так что такое карстовые провалы? – повторила Валя свой вопрос и скривилась в сторону Максима.

– О-о, кисляк смандячила, – заметил тот.

– Ну, это такая штука... Полость в земле, забитая растворимыми породами – известняками, гипсами, песками, глинами... Подземные воды их растворяют или вымывают, и под землей образуются пустоты. А на эти пустоты сверху давит другой слой почвы и, в конце концов, все проваливается к черту. В результате образуются всякие там карстовые пещеры и воронки.

– Она купила учебник геологии, – сказал Борис.

– Не знаю, как Храмов тебя уговорил. Крови себе попортишь, а толку никакого, – с сомнением произнес Панцов.

– Любой сюжет в «Авоське» – это порча крови, как будто не знаешь!

– Н-да, – согласился Панцов, – надо менять профиль.

– Хочешь уйти в новости, – сказала Лиза.

– Ну. Кстати, спать на офисных стульях очень неудобно – разъезжаются.

– Ого! – Борис приподнял брови.

– Вечером информационная съемка, монтаж к ночи, утром надо «Авоську» снимать – ехать домой уже бессмысленно, – объяснил Панцов.

– Панцов, – блаженно сказал Тим Кузьмин, – Панцов, ты занимаешься фи-игней. Жизнь прекрасна, Панцов, а ты, как последний лох, спишь на стульях.

Тим не пил водку. Ему и без того было неплохо.

– «Авоська», конечно, еще приносит пользу, но былой популярности ей не вернуть, – проигнорировал его реплику Панцов. – Надо расти, Лизка.

Лиза с сомнением посмотрела на Панцова сквозь прозрачную стопку в руке.

– Новости? Не для меня. Писать текст в машине на коленке, когда тебя укачало и вот-вот вырвет, а до эфира считанные минуты... Кстати, ты знаешь, как выглядит король Иордании?

– Чего? – опешил Панцов.

– Ладно, черт с ним. Новости – не мое, криминал – тем более. Вот в «Вехи» к Лепскому я бы пошла.

Панцов едва не подавился.

– Скромные у тебя мечты, ничего не скажешь! Да любой папарацци мечтает туда попасть. Да весь канал на эту программу работает!

Лиза показала ему язык и предложила выпить. Панцов разлил по стопкам, бормоча про глаз-алмаз. Опрокинули, Тим вместо этого закусил шашлыком, и захватил инициативу в разговоре, пригласив всех отправиться в Магадан.

– Не далековато? – сказал Борис.

– Не ссы, доедем, – уверил его Тим. – Бросайте на хрен ваши убогие работенки, я покажу вам мир.

– А жить на что?

– Да много ли человеку надо? – задал вопрос Тим и тут же на него ответил: – Да ни фиги ему не надо! Кроме впечатлений...

– Вообще-то жрать еще иногда хочется, – заметил Борис.

– Ой, я смотрю, вы нытики какие-то! Кусок хлеба всегда найдется.

– И шашлыка, – вставил Максим Панцов, который вытащил сюда безработного Тима на свои кровные.

Но Тима это замечание ничуть не смутило.

– Во! – на его черном лице вспыхнула улыбка. – Я свободен, понимаете, свободен! Я хочу вас освободить, поэтому поехали следующей весной в Магадан. Вы увидите страну, я научу вас стопить машины, поезда...

– Космические корабли? – продолжил Борис.

– ...а также грузовые и пассажирские суда.

И Тим довольно увлекательно поведал о своем путешествии – разумеется, бесплатном – на теплоходе с Соловецких островов на материк. Потом он рассказал о том как добирался по Волге до Астрахани и обратно, и каких он людей встречал в пути, и как добывал себе пропитание. В конце концов, все загорелись ехать в Магадан – хоть сейчас, сию же минуту. Тогда Тим сказал, что должен научить их элементарным навыкам профессиональных автостопщиков, хотя бы тому, как правильно голосовать на дороге. И учить он будет прямо сейчас.

– Выпьем на посошок, – сказал Максим Панцов, у которого заметно нарушилась дикция.

Выпили. Поржавевшее вечернее солнце спускалось прямо в ершистые ветви елей. Компания добрела до ближайшей дороги, Тим тут же занял позицию на трассе. Его согнутая в локте рука задвигалась, как маятник: вниз-вверх, вниз-вверх. Движения были размеренными и почему-то очень убедительными. Тиму удалось остановить первую же показавшуюся машину. Перед водителем он извинился, объяснив ситуацию, тот пожал плечами и поехал дальше.

– Теперь ты, – сказал Тим Панцову и предложил остальным спрятаться в кусты.

Но у Панцова ничего не вышло. Он пропустил не менее пятнадцати машин, и ни одна из них не остановилась. Тогда Тим вышел из укрытия и забегал вокруг приятеля.

– Как ты стоишь? Как ты держишь руку?! Ты что – нищий? Что ты тянешь свою трясущую ручонку к автолюбителям? Копеечку просишь? Вот щас плюну тебе в ладошку...

После Панцова голосовал Борис. Он выбросил параллельно дороге кулак с вытянутым большим пальцем, как делают, когда хотят сказать «класс». К Борису водители тоже никакого интереса не проявили.

– Ты слишком здоровый, вот в чем дело, – подумав, сказал Тим. – И держишься больно нагло и агрессивно. Что видит водила? Он видит высоченного чувака, который хочет сесть в машину, дать ему в рыло и поехать дальше уже без водителя.

Лизу с Валею Тим к «стопу» не допустил, заявив, что они вне конкуренции и вполне могут сойти за каких-нибудь деревенских «ночных бабочек». После этого он вошел в раж и стал «стопить» машины одну за другой, пока из очередного автомобиля не вышли двое бритоголовых парней и с радостным восклицанием «Ого, ниггер!» не заехали Тиму в ухо. Из кустов

выскочили Борис с Максимом Панцовым, и вся пятерка начала пинать друг друга в разные места, пока к ним не присоединился пес Играй, немедленно вкусивший плоти одного из скинхедов. Бритоголовые скрылись, а Лиза лично поймала еще пару машин, чтобы развести раненых по домам.

Утро, как водится, началось с тошноты и головной боли, которые Лиза частично одолела пакетом кефира и таблеткой цитрамона. За окном было по-осеннему бессолнечно, над домами текли размазанные облака. Борис с распухшей скулой пребывал в состоянии беспокойного сна. Стараясь не делать резких движений, Лиза вступила в притихший воскресный день. Вышла на Соколе и почти сразу очутилась рядом с «Красной башней», во дворе, где жил старик Верховский. Там она присела на скамеечку, размышляя, как нужно себя вести, чтобы тот сразу не захлопнул дверь. Минут через десять случилась крупная удача: из подъезда номер три вышел никто иной как сам Верховский, маленький и юркий, словно мышь. Судя по хозяйственной сумке, он направлялся в магазин, и Лиза рассудила, что старика надо брать на обратном пути, на подступах к дому, когда он уже решит свои бытовые вопросы. Около получаса Лиза пристально наблюдала за подъездом, но объект не показывался. Наконец, она случайно повернула голову в сторону и увидела, как Верховский с набитой авоськой исчезает в совершенно другом, соседнем подъезде под номером четыре, а не в том, из которого вышел и за которым Лиза следила. Забыв о последствиях вчерашней пьянки, она сорвалась с места, но в четвертом подъезде от первого этажа до последнего не оказалось ни одной живой души. Лиза, уже не доверяя своей памяти, достала бумажку, где был записан номер квартиры Верховского. По всему выходило, что она все-таки там, откуда Верховский вышел в магазин, а именно – в подъезде номер три!

– Зашел к кому-то в гости? – вслух предположила Лиза и спустилась во двор. Оттуда она внимательно оглядела стариковский дом. Это было сталинское здание грязно-бежевого цвета послевоенной постройки. Третий подъезд, из которого Верховский вышел, находился по правую сторону большой арки, а четвертый подъезд, в который он вошел – по левую. И в тот момент, когда Лиза уныло подумала, что вообще теряет здесь время, Верховский снова явился ее взору – он возник из подъезда номер три, откуда никак не мог возникнуть, поскольку совсем недавно зашел в подъезд номер четыре! Вместо сумки с продуктами старичок держал в руках того самого серого кота.

«Белая горячка», – подумала Лиза и, зажмурив глаза, шагнула к старику.

– Ах, это опять вы, – с досадой проговорил Верховский, выбрасывая котяру в кусты. – Все время, все время ощущение, что ты под колпаком!

– Вы, вероятно, принимаете меня за кого-то другого... – как можно более мягко, чтобы не спугнуть Верховского, начала Лиза.

– Не исключено, – кивнул тот, беря ее на прицел своими быстрыми глазками, затерявшимися в сети морщин. – Что вам нужно?

– Поговорить! – выпалила Лиза. – Поговорить об этом месте, и вон о той кирпичной башне! И о том, что творится в вашей квартире.

– А что там творится? – испугался Верховский.

– Трещины есть? – деловито осведомилась Лиза. – Стекла лопались?

Верховский задумчиво поглядел на гигантское сооружение напротив своего дома и махнул Лизе рукой, приглашая войти в подъезд.

За черной клеенчатой дверью оказалась широкая сумрачная прихожая с высоким зеркалом, в котором отражалась другая дверь – с витражом, изображавшим кремлевскую башенку со звездой. Должно быть, иногда в комнату, скрывавшуюся за витражом, проникало солнце, и звезда вспыхивала по-революционному пламенно и грозно. Но сейчас, когда старик зажег

в прихожей свет, все смотрелось заплесневело и печально – и пятиконечный символ Страны Советов, и зеркало, и стены в коричневых обоях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.